

# Американские трагедии

## Книга IV



Алексей Ракитин

**Американские трагедии.  
Хроники подлинных  
уголовных расследований  
XIX – XX столетий. Книга IV**

«Издательские решения»

**Ракитин А.**

Американские трагедии. Хроники подлинных уголовных  
расследований XIX – XX столетий. Книга IV / А. Ракитин —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-566754-0

Четвёртая книга серии. Сборник очерков, посвященных малоизвестным сюжетам из американской криминальной истории разных лет. Помимо необычных и полных драматизма конфликтов в представленных очерках можно увидеть подлинную картину общественной жизни США XIX — XX столетий, специфику правоприменения и особенности работы правоохранительного сообщества той поры.

ISBN 978-5-00-566754-0

© Ракитин А.  
© Издательские решения

## Содержание

|   |    |
|---|----|
| 1946 год. Так кто же убил Сюзан Дегнан?   | 6  |
| 1913 год. Убийство на карандашной фабрике | 72 |
| Конец ознакомительного фрагмента.         | 78 |

# **Американские трагедии Хроники подлинных уголовных расследований XIX – XX столетий. Книга IV**

**Алексей Ракитин**

© Алексей Ракитин, 2023

ISBN 978-5-0056-6754-0 (т. 4)

ISBN 978-5-0053-5460-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## 1946 год. Так кто же убил Сюзан Дегнан?

История похищения сына Чарльза Линдберга, известного американского авиапилота, в Америке широко известна. И благодаря сайту «Загадочные преступления прошлого», на котором подробный очерк об этом преступлении появился в далёком уже 2005 году, упомянутая криминальная загадка хорошо известна и русскоязычной аудитории интернета<sup>1</sup>. Гораздо менее известно то, что история эта удивительным образом повторилась спустя немногим более 10 лет в Чикаго. Многими своими деталями случившееся тогда рождает аналогию с трагической историей малыша Линдберга и подобно его трагедии, произошедшее в Чикаго во многих отношениях является загадочным или, выражаясь корректнее, спорным.

Завязалась эта цепочка событий ранним утром 7 января 1946 г. в доме №5943 по Кенмор авеню (Kenmore avenue) в Северном Чикаго в районе Эджуотер Глен (Edgewater glen). Ныне этот дом исчез, на его месте в конце 1950-х гг. был возведён многоквартирный комплекс с гаражом в цокольном этаже, получивший название "Thorndale Manor Apartments". Но в 1946 г. дом был попроще, а гаража не существовало вообще.

Утром 7 января, в понедельник, родители 6-летней Сюзан Дегнан (Suzanne Degnan), ученицы 1-го класса католической Академии Святого сердца («Sacred heart academy») обнаружили её спальню пустой. Если быть совсем точным, то следует сказать, что пропажу девочки обнаружил её отец, Джеймс Дегнан, 36-летний служащий городской администрации Чикаго, в которой он руководил группой контроля розничных цен. Джеймс вошёл в спальню Сюзан, младшей из дочерей, в 07:30 и не нашёл там девочку. Первой его мыслью явилось предположение о шутке Сюзан, решившей спрятаться в спальне старшей сестры Элизабет. Но и там её не оказалась! 10-летняя Элизабет ничего не могла сказать о местонахождении Сюзан, по словам старшей дочери сестра к ней не заходила...

Обыск квартиры никакого результата не дал. Семья проживала на первом этаже многоквартирного дома, окно детской спальни было закрыто, входная дверь – также закрыта, в том числе и на цепочку. Понятно, что девочка не могла уйти через дверь и накинуть за собой цепочку и кажущаяся абсурдность ситуации сбивала с толку. Родители вызвали полицию, сообщив прибывшим патрульным об исчезновении дочери. По их словам, накануне вечером всё было абсолютно спокойно, Сюзан уложили спать около 21 часа, девочка была здорова и находилась в прекрасном расположении духа, ничто не предвещало утренний кошмар.

Сотрудники чикагской полиции при тщательном осмотре квартиры и прилегающей территории, сделали важные открытия, ускользнувшие от внимания взволнованных родителей.

Во-первых, полицейские обнаружили письмо с требованием выкупа. Оно гласило: «Приготовьте 20 тыс. долларов и ждите команды. Не сообщайте ФБР или полиции. Приготовьте банкноты только в 5\$ и 10\$.» (Дословно на языке оригинала: «Get \$20,000 ready & waite [sic] for word. Do not notify FBI or police. Bills in \$5's and \$10's.»). На обороте имелась приписка: «Сожгите для её же безопасности» (Дословно: «Burn this for her safty [sic]»). Записка находилась на полу кухни, а не в спальне Сюзан.

Во-вторых, при осмотре придомовой территории была найдена приставная лестница, неизвестно кому принадлежавшая и неизвестно когда появившаяся. Лестница была приставлена к стене дома под окном гостиной, окно было прикрыто, но не закрыто на задвижки.

---

<sup>1</sup> Речь идёт об очерке Алексея Раkitина «Ребёнок Линдберга», находящемся в открытом доступе на авторском сайте «Загадочные преступления прошлого».



Фотография из газеты: Сюзан Дегнан со старшей сестрой Элизабет (снимок датирован 1943 годом).

В-третьих, полицейские не обнаружили следов борьбы в квартире Дегнан. Также не были обнаружены следы, которые можно было бы связать с преступником. Из квартиры ничего не пропало. Похититель не забрал одежду девочки и что-то из её игрушек – эту деталь нельзя было недооценивать. Данное обстоятельство означало, что похититель не намеревался сохранять жизнь девочке сколько-нибудь долгое время.

Полицейские быстро поняли, что столкнулись с очень необычным преступлением. Для его расследования была создана группа из 5 детективов, которую возглавил старший детектив Отдела расследования тяжких преступлений Департамента полиции Чикаго Уолтер Сторм (Walter Storm). В течение дня 7 января в квартире Дегнан 4 раза звонил телефон, неизвестный мужчина начинал что-то говорить про необходимость передать деньги, но мысль свою не заканчивал и всякий раз бросал трубку посреди фразы. Никаких указаний относительно того как надлежит осуществить передачу выкупа родители похищенной девочки так и не получили.

Родители похищенной девочки были проинструктированы о поведении во время разговора в случае, если преступник всё-таки позвонит и начнёт содержательное общение. В квартире и подле неё были оставлены полицейские в штатском, которым надлежало вести скрытое наблюдение за окружающей территорией. Нельзя было исключать того, что преступник появится неподалёку от дома с целью понаблюдать за ним, либо предпримет попытку подбросить новое письмо.

Как видим, совпадение с делом «ребёнка Линберга» прямо-таки поразительно: похищение из спальни в то время, когда дома находились родители, на месте преступления оставлена записка с требованием какой-то фантастической суммы выкупа, лестница под окном, полная сохранность одежды и игрушек похищенного ребёнка... Этим сходство отнюдь не исчерпывается, как увидим из последующего, совпадений ещё будет много, но даже отмеченные детали удивляют. Трудно отделаться от ощущения, что похититель Сюзан знал о «деле Линдберга» и руководствовался им, как шаблоном.

Итак, что же имела полиция в начале расследования? Сразу следует внести ясность, улики, связанные с преступником – письмо и лестница – никуда правоохранительные органы не привели. Письмо было проверено в местной криминалистической лаборатории на скрытые отпечатки и проверка эта таковых не выявила. Единственное, что можно было сказать о написавшем послание – он был малограмотен (т.к. допустил грамматические ошибки) и имел



грязные руки. Не довольствуясь этим результатом, окружная прокуратура добилась передачи письма ФБР, криминалисты которого располагали более продвинутыми технологиями.

18 января записка с требованием выкупа поступила в лабораторию Бюро в Вашингтоне, где её исследовали с использованием технологии «йодистого фуминга». Ныне она уже не используется, но для 1946 года это была настоящая фантастика – для обнаружения невидимых отпечатков пальцев лист помещался в йодсодержащий пар в результате чего йод вступал во взаимодействие с молекулами, образующими пото-жировые отпечатки. Способ оказался для данного случая слишком эффективным, в центральной части листа проступили многие десятки смазанных, фрагментированных и наложенных друг на друга отпечатков пальцев и ладоней. Лист оказался слишком грязен, выделить какой-то отдельный отпечаток не представлялось возможным.

Лестница, использованная для проникновения в окно, оказалась обычной стремянкой, её высота в разложенном виде составляла 45 дюймов (114 см.). При довольно скромных размерах она была довольно массивна и весила более 10 кг. Детективы отыскивали её владельца – это был хозяин магазина, расположенного на удалении приблизительно 100 метрах от места совершения преступления. Стремянку он использовал для мытья витрин и вывески и хранил её под навесом в узком переулке за магазином, так что взять её мог, в принципе, кто угодно. О том, что лесенка исчезла владелец магазина узнал только тогда, когда к нему пришли детективы и стали задавать вопросы.

Уже первоначальный анализ известной информации и улики подталкивал правоохранителей к вполне определенным выводам.



Фотографии деревянной стремянки «Louisville» американской компании «Emerson electric co.» в собранном и разложенном виде. Именно такая лесенка была использована злоумышленником для проникновения в окно квартиры Дегнан. При высоте 45 дюймов (114 см.) стремянка весила 12 кг., т.е. она была довольно неудобна и тяжела для переноски на большие расстояния. Логично было предположить, что преступник привёз её к месту похищения на автомашине, но каково же оказалось удивление детективов, когда они выяснили, что злоумышленник украл лестницу от магазина в соседнем квартале и тащил её на руках около 100 м.! Конечно, для бешеной собаки сто вёрст – не крюк, но для опытного бандита ночная беготня с лестницей... это выглядело как-то совсем уж несуразно!

Похищение Сюзан выглядело спонтанными, действия преступника казались хаотичными и плохо продуманными, а в целом он производил впечатление человека малоопытного. На основании чего появился такой вывод? Пойдём по порядку:



– Похититель оставил письмо с требованием выкупа не в той комнате, где спал ребёнок. Опытный похититель так, конечно же, не поступает. В интересах преступника с самого начала сообщить родственникам похищенного о случившемся и предостеречь от возможного обращения в полицию. Для этого письмо желательно оставить на видном месте, идеальный вариант – прямо в кровати ребёнка. Преступник, заблаговременно готовящийся к похищению, эти детали, разумеется, обдумывает. Сообщение о похищении, незамеченное родственниками жертвы, способно разрушить весь замысел! Кстати, в случае с семьёй Дегнан так и получилось, родители письма вообще не увидели, его отыскиали патрульные при осмотре квартиры. Кстати, подобная ситуация наблюдалась и в "деле Линдберга" – там письмо с требованием выкупа было оставлено на подоконнике, что послужило веским доводом в пользу того, что похищение малыша являлось лишь имитацией, маскировавшей убийство. Ведь лист бумаги, оставленный на подоконнике окна 2-го этажа мог быть легко унесён ветром и ни один здравомыслящий похититель не оставил бы требование выкупа в столь неподходящем месте!

– Преступник потребовал от супругов Дегнан выкуп в 20 тыс.\$ – это была совершенно несуразная сумма. Глава семейства, как было сказано выше, работал в городской администрации на должности с годовым окладом 7,5 тыс.\$. Жена его Хелен была домохозяйкой и потому 20 тыс.\$ для них представлялись совершенно «неподъёмной» выплатой. Ранее Джеймс Дегнан работал в Вашингтоне на должности с намного меньшим окладом. В Чикаго он переехал лишь в июле 1945 года, жена и дети последовали за ним осенью. Понятно, что семья их уровня могла располагать сбережениями в 2—3 тыс.\$, может, чуть более, но о десятках тысяч не могло быть и речи. В ценах 1945—1946 гг., когда стоимость нового легкового автомобиля колебалась в районе 1 тыс.\$, сумма в 20 тыс.\$ являлась целым состоянием. Преступник, если только он действительно готовился к преступлению и обдумывал связанным с ним детали, не мог не понимать абсурдности и невыполнимости предъявленного требования. На что же он рассчитывал? Объяснений могло быть два: **либо похититель девочки в момент написания записки вообще не думал о размере выкупа, а значит действовал спонтанно в условиях крайней ограниченности времени, либо... он умышленно указал завышенную сумму, не рассчитывая её когда-либо получить.** И тогда вся «игра в записочки» преследовала цель замаскировать истинную цель его действий, которая заключалась в том, что похититель ребёнка не предполагал возвращать его родителям.

– Впрочем, нельзя было полностью исключать того, что преступник мог действительно предполагать, будто похищает члена семьи состоятельного человека. Кое-какие основания для этого у него имелись. Дело заключалось в том, что на втором этаже дома №5943 по Кенмор авеню проживал богатый адвокат Луис Флинн (Louis Flynn), его дочь и зять – Томас Киган (Thomas Keegan). Флинн являлся не только известным юристом, но и владельцем дорогой недвижимости, в частности, ему принадлежал многоквартирный дом, явившийся местом преступления. В принципе, преступник мог решить, будто квартира на первом этаже занята членами семьи Флинна и маленькая девочка является внучкой состоятельного адвоката, но... Если преступник действительно допустил такую ошибку, стало быть он и в самом деле являлся дилетантом в своём ремесле и орудовал крайне небрежно. Профессиональные преступники таких грубых просчётов не допускают!

– Преступник воспользовался стремянкой, принесенной от дома в другом квартале. Он преодолел с нею около 100 м. и эти перемещения требовали затрат времени и сил. Кроме того, злоумышленник должен был откуда-то узнать, что в проулке за магазином стоит лесенка, которую можно незаметно унести. Подобная осведомленность свидетельствовала о хорошем знании района. Заезжий преступник, не проживавший в этом районе, вряд ли стал бы тратить на это время. Опытный "киднеппер", всерьёз решивший заработать на похищении ребёнка, поступил бы проще и рациональнее – он бы привёз лестницу с собой на автомашине и затем бы увёз!

– То, что лестница осталась на месте, свидетельствовало по меньшей мере о двух важных для расследования деталях. Во-первых, преступник был один, он держал на руках похищенную девочку и поэтому лестницу унести не мог. Кстати, его неспособность нести одновременно шестилетнюю девочку и лестницу свидетельствовала о весьма посредственных физических кондициях, другими словами, преступник явно не был богатырём. Во-вторых, похититель не вернулся, чтобы унести лестницу позже. А ведь подобный шаг с его стороны был бы очень разумен! Если бы преступник вернул лестницу на то место, с которого взял, полиция испытала бы значительные затруднения в определении места и способа его проникновения в квартиру. Кроме того, полиция скорее всего пришла бы к выводу о наличии у преступника автомобиля и стала бы искать свидетелей, видевших подозрительную или незнакомую машину неподалёку от дома №5943 по Кенмор авеню. Как вариант можно также допустить возникновение подозрений в адрес родителей, поскольку полиция вполне могла предположить, что родители девочки знают о её судьбе и лишь имитируют похищение. Другими словами, злоумышленник, забрав лестницу с места преступления, мог бы сбить правоохранительные органы с толку и направить их усилия в ошибочном направлении. Любой преступник с серьёзным уголовным опытом, понимающий как работает полиция и какой логике следуют детективы, упомянутые детали наверняка бы учёл и лестницу бы из-под окна убрал.

Помимо того, что похититель Сюзан был малоопытен и, по-видимому, молод, детективы под руководством Уолтера Сторма в первые же часы расследования сделали и кое-какие предположения. Оценив всю совокупность доступных им данных, они заключили, что преступник не писал записку в квартире Дегнан – он написал её в другом месте, после чего вернулся к дому №5943 по Кенмор авеню и забросил сложенный лист бумаги в приоткрытое окно первого этажа. Это предположение хорошо объясняло почему записки не оказалось в спальне Сюзан и в гостиной, через окно которой преступник проник в квартиру. То, что во время своего возвращения преступник не унёс лестницу – хотя вполне мог! – свидетельствовало не только о его неопытности, но и растерянности, волнении и испуге.

Когда было совершено похищение? На первый взгляд, время определялось без особых проблем. Две чернокожие горничные, обслуживавшие большую квартиру Флинна на втором этаже, занимали комнату прямо над спальней Сюзан Дегнан. По словам этих женщин, они слышали какой-то шум, исходящий из квартиры снизу, около 01:30 7 января. В то же самое время забеспокоились собаки-боксеры, жившие у Флинна. Собаки стали бегать по комнатам и вели себя столь шумно, что их беготня и царапанье когтями по паркету разбудили Джеймса Дегнана, отца похищенной девочки. Согласно его показаниям полиции, собаки Флинна действительно беспокоились в 01:30. Казалось, у полиции есть отличная привязка ко времени, но не всё было столь однозначно.

В это самое время, с точностью буквально до минуты, домой возвратились Киганы. Сначала они поставили автомашину в гараж, находившийся во дворе дома, затем поднялись в квартиру. Они весело болтали и вели себя совершенно непринужденно. Собаки хорошо знали звук мотора Томаса Кигана и узнавали о появлении машины ещё до того, как её слышали люди. Кроме того, собаки всегда реагировали на хлопанье автомобильных дверей. Поэтому их неожиданная активность могла объясняться отнюдь не реакцией на происходившее в спальне маленькой Сюзан, а тривиальной радостью оттого, что вся семья, наконец-то, собралась в полном составе. Как известно, собаки всегда реагируют на появление хорошо знакомых им членов семьи и появление Киганов далеко за полночь не могло оставить их равнодушными.

Вопрос о времени похищения Сюзан вызвал жаркие споры среди всех, причастных к расследованию. Казалось невероятным, что похититель сумел увести или унести уже взрослую девочку – отнюдь не младенца! – буквально из-под носа отца. Который, напомним, в половине второго ночи не спал! Да и помимо отца в квартире находились ещё два человека [мать и старшая сестра] ... Всё же квартира Дегнан – это не Шереметьевский дворец, где в минуту

похмелья можно заблудиться даже с компасами на обеих руках! Поэтому возможность похищения в 01:30 некоторыми детективами вполне обоснованно ставилась под сомнение. Это время интуитивно хотелось «отодвинуть» подальше в ночь, но не очень далеко, поскольку в то время активность на улицах Чикаго начиналась уже с 5 часов утра. В конце концов детективы склонились к тому, что девочка была уведена [или унесена в бесчувственном состоянии] не позднее 3 часов ночи. Похищение в 01:30 признавалось вероятным, но не доказанным. Время совершения преступления ограничивалось интервалом с 00:30 7 января – когда девочку видели в последний раз члены семьи – и 3 часами ночи.

Детективы почти не сомневались в том, что преступник не имел автомашины. Можно было предположить, что он имел сообщника с машиной, находившегося неподалёку и всё время остававшегося за рулём, но такое допущение представлялось малодостоверным и пересложненным. Полицейский опыт подсказывал, что в столь сложном и чреватом тяжким судебным наказанием преступлении, поделники не стали бы разделяться, поскольку в таком случае риски их оказывались совершенно несопоставимы. Иными словами, в квартиру Дегнан эти люди проникли бы вдвоём.

Первоочередной задачей, которую пришлось решать полицейским, явился опрос жителей Эджуотера с целью обнаружить свидетелей того, как в ночное время некий мужчина нёс или вёл за руку маленькую девочку. Полиция шла по району что называется "мелким чёсом", опрашивая поголовно всех. Поразительно, но свидетелей отыскать не удалось!

Неэффективность данного мероприятия позволила старшему детективу Уолтеру Сторму и его помощникам сделать кое-какие прикидки относительно времени похищения Сюзан. Полицейские пришли к выводу, что похищение произошло около 3 часов ночи 7 января – именно тогда существовало «окно», во время которого активность населения оказывалась минимальной.

С самого начала работы полицейские испытывали большие сомнения в благополучном исходе расследования. Сюзан вряд ли могла прожить долгое время после похищения, исходя из полицейского опыта можно было с большой вероятностью предполагать, что её убили вскоре после похищения. Преступник не планировал похищения изначально, он действовал спонтанно и если это предположение было справедливо, то девочка для него являлась обузой.

Разумеется, подобное нельзя было говорить вслух, правоохранительные органы обязаны в любой – и даже безвыходной! – обстановке демонстрировать непоколебимую уверенность в успехе проводимых розыскных мероприятий. Именно поэтому капитан полиции Джон Салливан (John L. Sullivan) предложил отцу похищенной девочки обратиться к похитителю по местному радио. Текст обращения Джеймса Дегнана был согласован с детективами, занятыми расследованием, точнее, написан ими чуть менее, чем полностью.



Хелен и Джеймс Дегнан, родители похищенной Сюзан. Фотография из газеты, датированной 8 января 1946 года.

О похищении девочки в районе Эджутер Глен сообщили уже утренние газеты и в течение дня 7 января информация о проводимых полицией мероприятиях пополнялась в сводках новостей, передаваемых местными радиостанциями.

Обращение Джеймса Дегнана анонсировалось на протяжении нескольких часов и постоянно переносилось – очевидно это делалось с целью подхлестнуть эмоции и усилить всеобщее нетерпение. Полиция исходила из того, что «киднеппер» следит за обстановкой в городе, для чего слушает радио и читает местную прессу, а потому он уже осведомлен о начале полицейского расследования. Преступник должен понимать, что замысел его провалился, полиция и ФБР уже работают, но если девочка всё ещё оставалась жива, необходимо было побудить преступника вернуть её домой.

Именно эту цель и преследовало обращение Джеймса Дегнана.

Речь его была взволнованной и очень эмоциональной. Джеймс заявил, что полиция оказалась поставлена в известность о случившемся по независящим от родителей обстоятельствам, поскольку письмо, запрещающее обращаться в полицию, к ним в руки не попало. Подчеркнув недостаточность своих доходов для выплаты требуемой суммы, отец похищенной девочки заверил похитителя, что деньги ему раздобыть удастся и вся сумма будет предоставлена полностью по первому требованию. Далее Джеймс призвал неизвестного не причинять Сюзан вреда и попросил его вернуть девочку домой, обещая, что никаких юридических последствий похищение не повлечёт. Это уверение, разумеется, являлось обманом, Джеймс Дегнан не мог повлиять на Правосудие в такой степени и даже в случае возвращения Сюзан живой и здоровой расследование похищения не могло быть остановлено. Но данное обещание было дано явно в расчёте на юридическую неосведомленность и даже наивность преступника, который, повторим, по мнению полицейских был весьма неопытен. Воистину, это была в чистом виде «ложь во спасение». В завершении своего эмоционального монолога Джеймс Дегнан обратился к дочери и попросил её во всём слушаться человека, который забрал её из дома.

Далее события завертились как в калейдоскопе. О странных телефонных звонках, во время которых звонивший бормотал нечто малопонятное и не мог толком сформулировать мысль, было сказано выше. Однако после радиообращения Дегнана раздался звонок иного рода. Мужчина на противоположном конце провода проникновенным голосом сказал, что понимает тяжесть положения семьи и безрассудность назначенного выкупа, конечно же, 20 тысяч долларов – это очень много для служащего городской администрации, а потому... за 500 долларов он готов вернуть девочку! Джеймс Дегнан заверил, что готов немедленно

выплатить деньги, пусть звонивший сообщит, как это надлежит сделать. Незвестный на другом конце провода пообещал перезвонить и повесил трубку.

Немедленно через телефонную станцию была проверена точка входа в сеть. Оказалось, что входящий звонок был сделан из города Сент-Луис в штате Миссури, удаленного от Чикаго приблизительно на 400 км. Полицейские практически не сомневались в том, что звонивший не имеет ни малейшего отношения к похищению Сюзан, но пускать такие проделки на самотёк было никак нельзя, этого человека следовало непременно отыскать!

Руководство полиции Чикаго обратилось за содействием к ФБР. Формальное основание для этого имелось, поскольку после "дела Чарльза Линдберга" был принят федеральный закон, согласно которому расследования всех преступлений, связанных с похищением детей и их перемещением через границу штата, относилось к юрисдикции Бюро. Если похищенная Сюзан Дегнан всё время оставалась на территории штата Иллинойс, то расследованием могли заниматься полицейские органы штата, но если девочку вывезли из штата, то дело однозначно переходило в юрисдикцию ФБР.

Бюро с готовностью подключилось. Начальник Управления ФБР в Сент-Луисе Джеральд Норрис (Gerald B. Norris) распорядился немедленно организовать защищенную линию связи с квартирой Денганов, сами же супруги получили инструкции о поведении на случай нового звонка.

Звонок раздался, но не тот, которого все ждали. Незвестный позвонил в отдел полиции в Эджуотер Глен и посоветовал не терять времени, а заняться осмотром канализационных колодцев рядом с домом, в котором жила похищенная девочка.

После некоторых колебаний полицейское руководство склонилось к мысли о необходимости прислушаться к совету. Предположение об убийстве девочки сразу после похищения прекрасно соответствовало версии о действиях неопытного и дезориентированного преступника. Если у этого человека действительно не было машины, он не мог далеко уйти с девочкой и остаться при этом незамеченным. Если Сюзан и в самом деле была убита, то тело её должно быть скрыто где-то неподалёку от дома, так что резон для осмотра колодцев имелся!

Вечером 7 января полицейские в сопровождении работников коммунальных служб принялись осматривать колодцы ливневой канализации, расположенные неподалёку от дома №5943 по Кенмор авеню. Выглядело это незатейливо: рабочий сдвигал люк, полицейские свестили вниз фонарём и, убедившись, что колодец пуст, двигались дальше. Не прошло и часа со времени начала операции, как во дворе, образованного домами №5860 и №5900, на дне канализационного колодца была обнаружена... голова ребёнка. Полицейские поначалу решили, что видят голову куклы – на осознание того, что же именно они нашли, потребовалось некоторое время.

Детективы считали очень вероятным убийство похищенной девочки, но никто не ожидал, что преступник расчленил её! Это открытие вызвало шок.



Слева: начальник полиции Чикаго Джон Прендергаст осматривает колодец ливневой канализации, в котором была найдена голова Сюзан Дегнан. Справа: фотография из газеты, на которой запечатлен старший детектив Уолтер Сторм, заглядывающий в колодец с фрагментами тела пропавшей девочки.

На место обнаружения головы Сюзан Дегнан немедленно прибыл начальник полиции Чикаго Джон Прендергаст (John C. Prendergast). Именно он возглавил дальнейшую поисковую операцию, о ходе которой немедленно был поставлен в известность мэр города.

Начальник полиции сразу же придал поискам массовость – осмотром канализационных люков, мусорных баков, дворов, чердаков и крыш одновременно занялись 90 парных патрулей. Местные жители быстро поняли, что происходит нечто экстраординарное – езда по улицам десятков полицейских машин не могла не привлечь внимания! – и после полуночи на Кенмор авеню стал массово стекаться народ.

В течение пары часов толпа любопытствующих превысила пять сотен человек, разумеется, появились и репортёры, получившие сообщение о непонятной движухе, затеянной полицией.

На протяжении приблизительно 5 часов – с 23 часов 7 января до 4 часов утра 8 января – в районе дома семьи Дегнан были сделаны следующие находки: голова Сюзан Дегнан найдена в колодце во дворе домов №5860 и №5900 по Кенмор авеню, правая нога девочки обнаружена в канализационном стоке под тротуаром у дома №5838 по Кенмор авеню, а левая нога была оказалась в канализационном колодце перед домом №5907 по Кенмор авеню. Торс девочки, помещенный в мешок из-под сахара, был найден в колодце на пересечении Кенмор авеню и Эрдмор авеню (Ardmore ave.). В том же самом мешке из-под сахара находилась светло-голубая пижама, в которой Сюзан легла спать вечером 6 января.

Все упомянутые места находок располагались южнее дома, в котором проживала семья Дегнан, и были удалены от него на расстояние буквально 80-350 м.

Достаточно было посмотреть на карту района, чтобы понять: убийца расчленил тело жертвы где-то неподалёку. Прендергаст отдал приказ найти это место, которое из-за обильного кровотечения жертвы распознать было несложно.

Пока полицейские обходили Эджуотер Глен в квартире Дегнан зазвонил телефон. Незвестный, обещавший ранее возвратить девочку за 500 \$, заявил, что находится в помещении вокзала «Union Station» и ждёт, что деньги поступят в платёжную систему «Western Union» в течение четверти часа. Если денег не будет, то он пообещал большие неприятности. Отец девочки, уже знавший, что Сюзан убита, подыграл преступнику и спросил, как чувствует себя

Сюзан? «С ней всё в порядке», – заявил звонивший. Этот человек явно не имел связи с Чикаго и не представлял, какое безумие творилось в эти самые минуты в Эджуотере. Джеймс Дегнан пообещал, что в течение ближайших 10 минут сделает перевод и будет готов сообщить номер транзакции неизвестному, если тот позвонит на их домашний телефон через 20 минут.



Начальник полиции Чикаго Джон Прендергаст в рабочем кабинете.

На том и порешили. Через 20 минут в квартире Дегнан вновь зазвонил телефон и Джеймс продиктовал неизвестному 13-значный номер транзакции, который необходимо было знать для получения денег. В 00:47 8 января молодой мужчина подошёл к стойке кассира в отделении «Western Union» в здании вокзала «Union Station» и продиктовал номер транзакции, по которой ему должен был поступить перевод из Чикаго. Кассир задумчиво посмотрел на клиента и передвинул указатель даты на календаре, висевшем над его головой. Со стороны это движение выглядело совершенно обыденно – ведь минула полночь и наступили новые сутки – но на самом деле этот перевод указателя являлся знаком для агентов ФБР, означавшим, что у стойки находится нужный им человек. Через пару секунд запястья молодого мужчины оказались заведены за спину и на них щёлкнули наручники, а ещё через пяток секунд его не очень вежливо вытолкали из дверей офиса и усадили в автомашину.

Пока автомашина двигалась к зданию, в котором помещалось отделение Бюро в Сент-Луисе, старший группы задержания непринужденно сообщил молодому мужчине: «Девочку нашли убитой, так что готовься сесть на электрический стул». Фраза была неслучайной, сказанное преследовало цель оказать на задержанного психологическое давление, проще говоря, запугать его. Эффект превзошёл все ожидания! Задержанный разрыдался прямо в машине.

Дальнейшее расследование, проведенное ФБР, позволило установить, что супругам Дегнан звонил 23-летний Гровер Кейси (Grover Casey), житель города Троя в Алабаме. Кейси, прочитав в газете про похищение девочки в Чикаго и требование выкупа в 20 тыс.\$, решил, что на этой истории можно легко подзаработать, если проявить малость смекалки. Правда, именно со смекалкой у молодого мужчины имелись проблемы – он явно недооценивал правоохранителей и переоценивал собственные таланты. Задержание явилось для него чудовищным шоком.

Агенты Бюро самым тщательным образом изучили времяпрепровождение Кейси в последние недели и убедились в наличии у молодого мужчины крепкого alibi. Уже 9 января ФБР распространило пресс-релиз, в котором официально сообщалось, что задержанный в Сент-Луисе при вымогании денег Гровер Кейси не рассматривается в качестве подозреваемого в похищении и убийстве Сюзан Дегнан. При этом подчёркивалось, что тот останется



под стражей до выяснения всех обстоятельств его жизненного пути. Остаётся добавить, что в конечном итоге Кейси был выпущен ФБР но для того лишь, чтобы тут же быть арестованным местной полицией по обвинению в попытке мошенничества. Попытка легко и непринужденно заработать 500\$ на чужом горе в конечном итоге привела Гровера за решётку аж на 3 года.

Честно говоря, этого подлеца ничуть не жаль...

Полные драматизма события ночи с 7 на 8 января привлекли внимание средств массовой информации всей Америки. Хотя в силу очевидных причин наиболее развёрнутые описания и комментарии случившегося нашли место на страницах местной прессы и в передачах местных радиостанций.

Практически все более или менее известные должностные лица высказались о случившемся. Капитан полиции Джон Салливан (John L. Sullivan), начальник старшего детектива Уолтера Сорма, разразился в адрес преступника площадной бранью, что, конечно же, следовало признать крайне непрофессиональным. Сам старший детектив также оказался вынужден общаться с репортёрами. В одном из своих лаконичных интервью, данных в те дни, он заявил, что не считает убийство Сюзан Дегнан имеющим связь с убийством Фрэнсис Браун, произошедшим месяцем ранее, 10 декабря 1946 года.

Это преступление тоже было довольно известным. Внимание к себе оно привлекло в основном потому, что преступник оставил на зеркале в квартире жертвы необычную надпись губной помадой. Надпись эта гласила: «Ради Бога, поймайте меня, пока я не убил опять. Я не могу себя контролировать» (Дословно по-английски: «For heavens sake catch me before I kill more. I cannot control myself.») Оперативное сопровождение расследования убийства Браун также обеспечивала группа старшего детектива Уолтера Сорма, так что вопрос о возможной связи двух преступлений выглядел вполне уместно.



Фотофиксация событий ночи с 7 на 8 января в чикагском районе Эджуотер Глен. Слева: момент извлечения головы Сюзан Дегнан из колодца. Справа: извлечение из колодца мешка из-под сахара с торсом убитой девочки и её одеждой.

На протяжении 8 января полицейские изучали все те укромные места, которые теоретически могли бы быть использованы убийцей для расчленения трупа. Судмедэксперт, осмотрев обнаруженные фрагменты тела, сразу же охарактеризовал разрезы как «ровные», «чистые» и «выполненные уверенной рукой». Это означало, с одной стороны, что преступник не боялся крови и действовал довольно умело, то есть имел определенную сноровку и был либо врачом, либо ветеринаром, или на худой конец, работал на скотобойне. А с другой стороны,

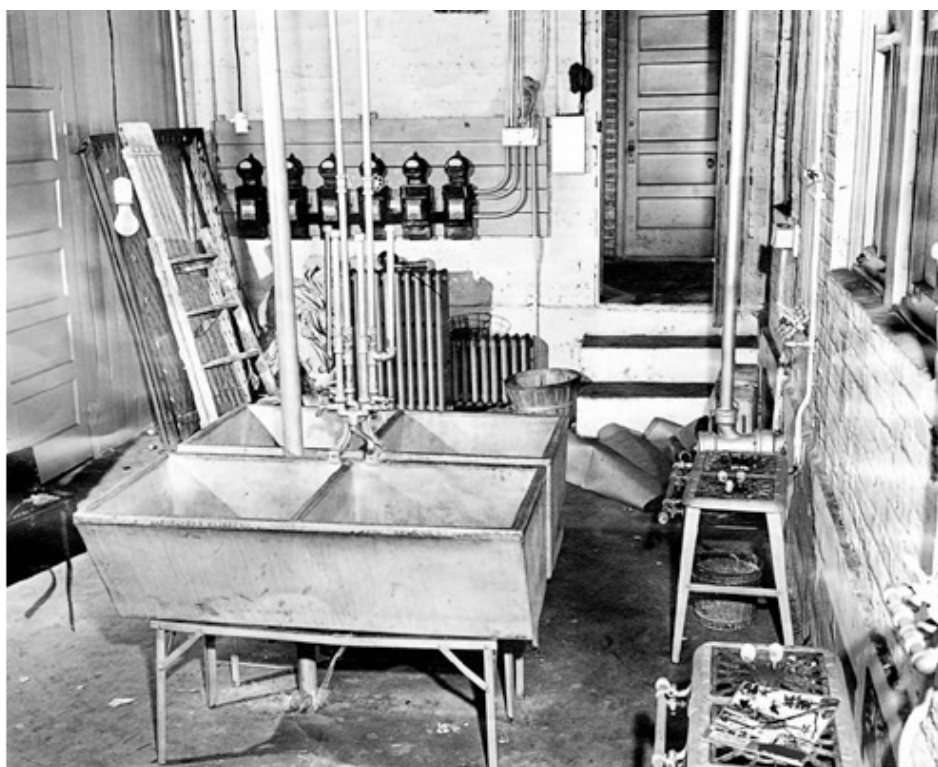
характер расчленения указывал на то, что преступник действовал в относительно комфортной обстановке, то есть расчленил тело не в тёмном подвале на коленке, а в помещении, в котором имелись свет, вода и было относительно тепло. В силу означенных соображений внимание детективов оказалось сосредоточено на техническом помещении в подвальном этаже дома №5901 по Уинтроп авеню. Это помещение использовалось местными дворниками [в некоторых русскоязычных материалах об этом расследовании его называют «прачечной», но правильнее, всё же, «дворницкая»]. Дверь в это помещение имела простейший замок, но по сообщениям свидетелей часто оставалась открыта круглые сутки. В дворницкой имелись электрическое освещение и горячее водоснабжение.

Криминалисты размонтировали сливные обвязки моек, имевшихся в прачечной и, проводя проверку обнаруженных в трубах биологических образцов, установили, что там находится человеческая кровь. Таким образом, можно было считать, что место расчленения трупа найдено.

Дело оставалось за немногим – надо было выяснить, кто именно мог в этом помещении разрезать тело 6-летней девочки в интервале от 3 до 4 часов ночи 7 января?

Есть такая пословица: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. В данном же случае дело оказалось сделано очень быстро. Чтобы отыскать подходящего обвиняемого далеко ходить не пришлось.

Внимание полицейских привлёк 65-летний дворник Гектор Вербург (Hector Verburch), работавший в том самом доме №5943 по Кенмор авеню, в котором проживала семья Дегнан. Мужчина знал убитую девочку и та, разумеется, знала его!



Помещение дворницкой в подвальном этаже дома №5901 по Уинтроп авеню, в котором убийца по мнению следствия осуществил расчленение тела Сюзан Дегнан.

Это был идеальный подозреваемый! Он хорошо знал район, знал, где можно раздобыть лестницу, куда можно зайти, чтобы без суеты расчленил труп, он мог перемещаться по району с ведрами и баками, не привлекая внимания. Наконец, он знал планировку квартиры, из которой было совершено похищение и мог обмануть девочку, что облегчало реализацию преступ-

ного замысла. Наконец, это был мужчина в возрасте, а традиционная мораль связывает слабую потенцию с усилением извращенности, дескать, чем хуже эрекция, тем более гнусные вещи творит мужчина для собственного возбуждения... То есть, всё вроде бы, сходилось!

Понятно, что с alibi у дворника дела обстояли не очень хорошо. Сам род занятий Вербурга подразумевал необходимость очень рано просыпаться и уходить из дома. Правда, 3 часа ночи – это слишком рано даже для дворника...



Схема района Эджуотер в городе Чикаго с указанием мест, связанных с расследованием в январе 1946 г. убийства Сюзан Дегнан. Схема условна и содержит ряд искажений, связанных с удобством её отображения, в частности, улицы выполнены шире своей настоящей величины. За минувшие десятилетия застройка района радикально поменялась и нумерация домов в настоящее время не всегда соответствует существовавшей тогда. Цифрами показаны места расположения колодцев ливневой канализации, в которых на протяжении ночи с 7 на 8 января 1946 года последовательно были найдены: 1 – голова убитой девочки; 2 – левая нога; 3 – правая нога; 4 – торс, помещенный в мешок из-под сахара вместе с пижамой, в которой Сюзан Дегнан отправилась спать накануне ночью. Можно видеть, что места похищения девочки, её расчленения и разбрасывания фрагментов тела расположены очень компактно, на площади менее 0,5 км. на 0,5 км. Подобная локализация явно указывала на связь преступника с этим районом,

а также его малую мобильность. Этот человек не только не имел автомашины, но с большой вероятностью даже не мог её угнать. Являлся ли он инвалидом? Или сумасшедшим? Это следствию предстояло выяснить...

Гектор и его жена настаивали на том, что он вышел из дома только без четверти 5 утра, что было много позже нужного полиции интервала времени, но детективы были уверены, что им удастся доказать лживость супругов, вознамерившихся обмануть полицию.

Уверенность полицейских в том, что они нашли преступника, оказалась столь велика, что они даже представили задержанного журналистам, чего в Америке тех лет не принято было делать. Обычно газетчикам показывали либо преступника, признавшего вину, либо пойманного с поличным, то есть такого, чья виновность сомнений не вызвала. Вербург же свою причастность к похищению и убийству Сюзан отрицал категорически, но даже упорное заpiresтельство не избавило его от унижительного выхода к фотокорреспондентам.

Он предстал перед ними с руками, прикованными наручниками к запястьям сопровождавших его детективов. Обводя присутствовавших подслеповатыми глазами – очки у дворника предусмотрительно забрали при задержании – Вербург сбивчиво бормотал: "Я ничего не сделал! Я невиновен! Я ничего не сделал!"



Вербург в окружении полицейских. 9 января 1946 г. газеты объявили о том, что полиция представила подозреваемого в похищении и убийстве Сюзан Дегнан. Журналисты подчёркивали, что задержанный дворник пока не арестован и признательных показаний не дал, но виновность его сомнений не вызывает и арест будет санкционирован в ближайшие часы.

И всё, в общем-то, казалось складно и ладно... За исключением пустяка – пожилой дворник совершенно не соответствовал облику того преступника, которого старший детектив Уолтер Сторм начинал искать в первые часы расследования. У Вербурга была автомашина – старый "пикапчик", на котором он колесил по всему Чикаго – и ничто не мешало ему отвезти по пустынным ночным улицам труп девочки за десятки километров от места похищения и благополучно возвратиться обратно. Вербург был пожилым грузным мужчиной и его сложно было представить беззвучно влезаящим по приставной лестнице в окно. Он плохо видел и не интересовался медициной, а потому вряд ли сумел бы быстро и аккуратно расчленить тело, делая разрезы одним движением. Его почерк совершенно не соответствовал почерку написавшего записку с требованием выкупа – хотя эта деталь, скажем сразу, выяснилась не сразу.

Тем не менее, 9 января 1946 г. полиция Чикаго бодро рапортовала о том, что дело сделано и преступник найден. Хотя в действительности дело ещё только предстояло сделать...

Объективности ради следует отметить тот факт, что Вербург оказался не единственным дворником, попавшим под подозрение в первые часы после обнаружения фрагментов тела расчлененной девочки. В общей сложности внимание к себе привлекли 4 дворника, в том числе и 35-летний Дизир Смет (Desere Smet). Необычным имени и фамилии последнего удивляться не следует – он являлся, как и Вербург, выходцем из Бельгии. Именно общность происхождения обусловила близость Вербурга и Смета – они не только работали вместе, но и являлись друзьями, несмотря на большую разницу в возрасте.

В принципе, Смет подходил на роль главного злодея даже лучше Вербурга, но последний сам до некоторой степени усугубил своё положение неосторожным поведением. Когда полицейские ранним утром 8 января вошли в помещение прачечной в подвале 12-этажного дома №5901 по Уинтроп авеню они обнаружили там Вербурга, которому и принялись задавать вопросы. Пожилой дворник, по-видимому, хотел показать детективам важность своей работы и прекрасную осведомленность о происходившем вокруг. Он действительно работал на своём участке 15 лет и хорошо знал как местных жителей, так и объекты, расположенные на прилегающей территории, но не учёл того, что полицейские из его осведомленности могут сделать совсем не те выводы, на которые он рассчитывал.

Когда в подвале обнаружили ножовку по металлу с тёмно-бурыми пятнами, Вербург поспешил заявить, что это его ножовка. Когда через четверть часа отыскивали топор – он заявил, что и топор принадлежит ему. Лишь когда детективы выгребли из печки золу и, просеив её, нашли мелкие косточки, Вербург смекнул, что лучше прикусить язык и отговориться незнаемием... Кстати, через несколько часов дворник изменил первоначальные показания и уточнил, что на самом деле ножовка и топор ему не принадлежат, они давно найдены на улице и ими пользуются все дворники окрест, но уточнение это уже ни на что не влияло.

Дизир Смет не в пример Вербургу, с самого начала повёл себя тихо и сдержанно. Он благоразумно прикинулся таким недалёким парнем, пристукнутым в детстве пыльным мешком по голове и с тех пор не пришедшим в полное сознание. На все вопросы Смет отвечал двусмысленно и невпопад, твердил, что плохо помнит или не знает деталей, при попытке что-либо подсчитать закатывал глаза, шевелил губами и загибал пальцы... В общем, изображал из себя имбецила-переростка, каковым на самом деле не являлся. По словам других дворников, хорошо знавших Вербурга и Смета, оба валлонца общались весело и непринужденно, Смет любил рассказывать анекдоты, имел хорошую память и вообще был из числа тех, о ком говорят «парень – не дурак».

Ещё одним моментом, обусловившим то, что внимание полиции сосредоточилось именно на Вербурге, явились довольно неожиданные результаты обыска, проведенного в его квартире. Нет, полиция не нашла там вещей, связанных с убитой девочкой, но тем не менее, результат обыска оказался поразителен. Дело в том, что при личном осмотре жены Гектора, в её одежде оказались найдены небольшие коричневые конверты, приколотые булавками к нижнему белью. В конвертах находились наличные деньги – да притом какие! – 7688\$... Было отчего крикнуть издавшим виды детективам, 67-летняя бабушка оказалась своеобразной копилкой, набитой деньгами, она носила на теле более чем годовой доход Джеймса Дегнана!



Хелен Дегнан с дочерьми – старшей Элизабет и младшей Сюзан. Фотография сделана осенью 1945 г., за 4 месяца до убийства Сюзан.

Особенно любопытным показалось детективам то обстоятельство, что указанная сумма была набрана преимущественно банкнотами в 5\$ и 10\$, что рождало определенную ассоциацию с текстом записки, найденной в квартире Дегнан. Правда, преувеличивать доказательную ценность такого совпадения не следовало, поскольку ему имелось вполне разумное объяснение – Гектор Вербург получал маленькую зарплату и, обменивая в банке чек, соответственно, получал на руки банкноты небольшого номинала. Тем не менее, само по себе это совпадение показалось весьма многообещающим и о нём полицейские сообщили журналистам.

Чтобы закончить разговор о результатах обысков, уточним, что довольно быстро, буквально в течение одних суток, выяснилось, что они ничего не дают расследованию.

Ножовка по металлу с бурыми пятнами к делу вообще не имела отношения, поскольку тело девочки расчленялось не ножовкой. Чуть ниже мы остановимся на этом вопросе особо. Бурые пятна на полотне ножовки оказались банальной ржавчиной. На топоре также крови не оказалось. Топор, кстати, также при расчленении не использовался, так что обнаружение этих инструментов следствие ничем не обогащало.

Мелкие кости, найденные в печи, казались многообещающим успехом, ведь в ночь на 8 января были найдены все части тела, кроме рук! Логичным выглядело предположение, что руки девочки убийца сжёг в печи... Тем сильнее стало разочарование, вызванное заключением судмедэксперта Джерри Кирнса (Jerry Kearns), без колебаний заявившего, что найденные в печи кости не являются человеческими. Кстати, никто, из бывавших в помещении прачечной, не признался в том, что пытался сжечь в печи куриные кости. По-видимому, тот, кто их туда бросил, очень не хотел общения с полицией, даже при том, что попытка сожжения костей не имела ни малейшего отношения к преступлению.

Однако общий вывод, согласно которому прачечная в подвале дома №5901 по Уинтроп авеню явилась местом расчленения тела Сюзан Дегнан, под сомнение не ставился ни криминалистами, ни детективами. Это место действительно было связано с преступлением, поскольку в водопроводных трубах и сифонах под мойками были найдены как человеческая кровь, так и фрагменты плоти и тканей. Убийца, по-видимому, по мере расчленения трупа девочки раскладывал его фрагменты в разные мойки, где давал стекать крови, после чего обмывал части тела и упаковывал их для последующей транспортировки.

В этом месте, пожалуй, следует сказать несколько слов о судебно-медицинском исследовании останков Сюзан. Осмотр и изучение найденных фрагментов тела производились комис-



сионно группой врачей как из числа постоянных работников службы коронера, так и приглашенных экспертов из числа преподавателей судебной медицины местного университета. При вскрытии присутствовал коронер Броди (A.L.Brodie). Вес Сюзан был определён в 78 фунтов (~31 кг.), рост – 4 фута 2 дюйма (127 см.) – то есть девочка была для своего возраста хорошо развита и даже имела немного избыточный вес. Никакими хроническими недугами Сюзан не страдала. Телесных повреждений, обусловленных побоями или падениями, девочка не имела. Никаких свидетельств изнасилования или каких-либо сексуальных манипуляций эксперты не обнаружили.

В качестве причины смерти эксперты уверенно назвали удушение, возможность прижизненного расчленения все специалисты отвергли единогласно. Судебный медик Джерри Кирнз (Jerry Kearns), имевший большой опыт работы, осмотрев разрезы, пришёл к заключению, согласно которому расчленение производилось в положении трупа "лежа на спине" и при этом преступник действовал очень быстро. Практически все кольцевые разрезы выполнялись одним движением, при этом точки входа лезвия в рану и выхода из неё либо совпадали, либо располагались очень близко друг к другу. Разрезание производилось по суставам, преступник своими действиями не повреждал кости жертвы. Линии разрезов были очень ровными, что указывало на использование хорошо заточенного инструмента. По мнению Кирнза, преступнику не пришлось прикладывать больших усилий. Всё это выдавало руку опытного специалиста. Кирнз решил, что убийца должен обладать каким-то весьма специфическим опытом – быть либо хирургом, либо ветеринаром, либо забойщиком скота – в общем, кем-то, кто не боится крови и уверенно обращается с ножом. На пресс-конференции, проведенной вечером 8 января и посвященной результатам судебно-медицинского исследования тела Сюзан Дегнан, Кирнз сформулировал своё мнение следующим образом: "Убийца – знаток. Не всякий рядовой врач обладает подобным навыком" (дословно: "The killer had to be an expert. Not even the average doctor could be so skillful.").

Орудие, которым преступник расчленял тело Сюзан Дегнан, имело тонкое лезвие и было очень острым. Это мог быть скальпель, но не обязательно... Все, причастные к расследованию, обратили внимание на то, что орудие расчленения преступник унёс с собою, из чего можно было сделать самые разные предположения. Например, о его ценности для убийцы. Или наличия на этом орудии неких особых знаков, которые могли бы помочь разоблачить преступника. Если бы преступник был задержан с этим предметом в кармане, то его наличие сильно усложнило бы защиту в суде. Тем не менее, убийца решил пойти на риск и унёс опасную улику с собою, а стало быть, причина, побудившая его так поступить, должна была быть весомой.

Для удушения жертвы преступник использовал электрический провод или тонкую бечёвку, причём, эксперты более склонялись к первому варианту. Однако публично было объявлено, что Сюзан Дегнан была задушена руками.

Возможно, момент этот требует некоторого пояснения, хотя по мнению автора, в этом вопросе всё более или менее очевидно. Ввиду того, что похищение и последующее убийство девочки привлекли к себе огромное внимание общественности и вызвали колоссальный резонанс, мало кто в правоохранительных органах сомневался в неизбежной активизации городских сумасшедших, откровенных идиотов и лиц, упражняющихся в нетрадиционных формах юмора. Поскольку вероятность самооговоров людей с нестабильной психикой и уголовников, добивающихся сделки с правосудием, была ненулевой, имело смысл исказить некоторые детали преступления, дабы использовать их в последующем в качестве своего рода «индикаторов осведомленности». Если заявитель повторяет ошибочную информацию, сообщенную в газетах, стало быть, он ничего о преступлении не знает и, соответственно, наоборот.





CHICAGO.—FATHER TESTIFIES AT INQUEST.—James E. Degnan (right) as he testified yesterday at a brief inquest into the slaying of his daughter Suzanne. Coroner A. L. Brodie is at

Газетный фотоснимок: коронер Броди (слева) с Джеймсом Дегнаном, отцом убитой девочки.

Информация о способе умерщвления Сюзан стал одним из таких индикаторов, но отнюдь не единственным. Полиция сообщила прессе неверную информацию о лестнице, которой воспользовался преступник для проникновения в окно квартиры семьи Дегнан. Было заявлено, что для этого злоумышленник прибег к помощи 7-футовой (215 см.) приставной лестницы, что истине не соответствовало. Любопытно то, что после опубликования этой информации моментально отыскался свидетель – звали его Томас Голдстик (Thomas Goldstick) – поспешивший заявить, что он видел подозрительную машину, стоявшую неподалёку от дома №5943 по Кенмор авеню, к багажнику на крыше которой была прикручена такая точно лестница! Автомашина стояла 5 и 6 января, то есть буквально вплоть до момента совершения преступления. Как догадается проницательный читатель, никто, кроме упомянутого свидетеля, автомашины с лестницей в означенное время в означенном месте не видел.

С разрешения полиции Голдстик повторил свой рассказ журналистам и легенда о чёрной автомашине с белой лестницей ушла жить и размножиться в неокрепших умах неравнодушных американцев. У Голдстика брали интервью, приглашали на радио и его рассказ с течением времени приобретал всё более выразительные и интригующие детали. Вроде коричневых перчаток, брошенных на «торпеду», и открытой коробочки из-под очков. Слушатель или читатель Голдстика проникался мыслью, что злоумышленник без перчаток выскочил на январский мороз и в ту самую минуту, когда Голдстик проходил рядом с автомашиной, находился где-то неподалёку... возможно, был готов покуситься на телесное здоровье самого свидетеля! Всё это было очень интересно и интригующе... и в равной степени бессмысленно. Полицейские, знавшие, что у преступника не было автомашины и лестницей он пользовался совсем другой, нежели об этом было объявлено, должно быть посмеивались как над тщеславным Голдстиком, так и над его легковверными слушателями. Но этот человек оказался из разряда тех «полезных идиотов», которые, сами того не ведая, делают нужное другим дело... И потому никто не мешал ему болтать.

С того момента, как стало известно об убийстве маленькой Сюзан, семья Дегнан оказалась в эпицентре всеобщего внимания. Газета «The Chicago Tribune» сообщила, что готова предоставить родителям девочки 10 тыс.\$ в виде беспроцентного займа, который они смогут вернуть, когда посчитают нужным. Ещё 10 тыс.\$ газета пообещала выплатить тому, кто предоставит информацию, способную привести к аресту убийцы. В течение считанных часов аналогичную сумму пообещал выплатить Департамент полиции Чикаго. Подключилась к этому

делу и городская администрация. Мэр Чикаго Эдвард Келли (Edward J. Kelly) лично объявил о выделении из городской казны 5 тыс.\$ на выплату премии тому, кто выведет полицию на след похитителя малышки Сюзан. Ряд богатых горожан, подражая решению газеты «The Chicago Tribune», заявили, что готовы предоставить семье любую потребную финансовую помощь, связанную похоронами дочери, возможным переездом к новому месту жительства и т. п. хлопотами.

Трудно отделаться от ощущения, что на этой мрачной истории попиарились все, кому не лень. А когда прошли годы и родители Сюзан сделались никому неинтересны о них накрепко позабыли. Сейчас могилы Джеймса Дегнана, умершего в 1975 г., Хелен Дегнан, умершей в 1972 г., как и их убитой дочери стоят совершенно заброшенными и даже без могильных плит, что для США, вообще-то, выглядит довольно нетипичным. Когда всем известные люди ушли из жизни, никто из власть имущих даже и не вспомнил: «ах да, это же те самые...» Воистину, *sit tranzit gloria mundes!*

Вернёмся, впрочем, к хронологии событий. Судебно-медицинская экспертиза найденных останков Сюзан была проведена 8 января, после чего они были переданы похоронному агентству. Отпевание по католическому обряду и погребение прошли 11 января 1946 г. при большом стечении публики. Отпевали девочку в католическом соборе Святой Гертруды (St. Gertrude's Catholic Church), существующем в Чикаго и по сей день. Это один из немногих городских объектов, сохранившийся с той поры практически без изменений. Дом, в котором проживали Дегнаны исчез, как и 12-этажное здание, в подвале которого была расчленена похищенная девочка.



Слева: современная фотография храма Святой Гертруды в Чикаго, в котором отпевали Сюзан. Справа: фотография похорон Сюзан Дегнан 11 января 1946 г.

Что последовало далее?

Как было сказано выше, на протяжении 7 января в квартире Дегнан по меньшей мере 4 раза звонил телефон и звонивший начинал говорить о выкупе, но обрывал себя на полуслове и не закончив мысли, бросал трубку. Всякий раз телефонисты успешно устанавливали телефонный аппарат, с которого производился звонок и полицейские патрули выезжали к нему, дабы установить личность звонившего. Все 4 таксофона находились в районе Эджуотер на площади менее 1 км<sup>2</sup>. Непосредственно в момент звонка никого поймать не удалось, но поскольку полиция приезжала в скором времени после каждого из звонков, были найдены свидетели, видевшие звонившего. Полученные описания во всех случаях оказывались весьма схожи –

звонил худой юноша с угреватым лицом и тяжёлой квадратной челюстью. Причём описание одежды заметно рознилось, из чего полицейские сделали вывод, что после совершения второго звонка молодой человек переделся. Учитывая локализацию таксофонов на небольшой площади, полицейские пришли к выводу, что телефонный хулиган проживает где-то неподалёку.

Имея довольно неплохую установочную информацию на неизвестного, полиция решила пройти по Эджуотеру «мелким чёсом», рассчитывая, что кто-нибудь да опознает парня.

Чудеса случаются! И молодого человека действительно опознали. Им оказался некий Теодор Кэмпбелл (Theodore Campbell), 16-летний школьник. Детективы Сторма не сомневались в том, что парень не имеет отношения к похищению девочки – ведь уже был взят Гектор Вербург! – но откуда же школьник узнал про выкуп и похищение до того, как информация об этом попала в газеты?!

Молодой человек поначалу запирился, но его без особых затруднений опознали свидетели, видевшие как он звонил, и дальнейшая разъяснительная работа явилась всего лишь делом полицейской техники. Кэмпбелл расплакался и рассказал, как всё вышло. Объяснение его оказалось довольно неожиданным!

Прыщавый бедолага дружил с неким Винсентом Костеллото (Vincent Costelloto), таким же 16-летним придурком, что и он сам, но имевшим одно неоспоримое преимущество. Костеллото был «крут» и крутизна его выразилась в том, что в возрасте 13 лет он взял револьвер старшего брата и отправился грабить магазин. Малолетнего балбеса быстро вычислили и «взяли» менее чем через сутки после ограбления, но вооруженный грабёж в 13 лет был слишком заборист даже для американской юстиции той поры. Это в Советском Союзе времён товарища Сталина с такого рода ребятами говорили незатейливо и строго (читаем невыдуманную историю свердловских «гопарей» в книге «Уральский монстр»<sup>2</sup>), а в США всё было намного сложнее. Парнишку, угрожавшего заряженным пистолетом другому человеку и забравшего деньги из магазинной кассы, направили в школу-интернат для трудных подростков, откуда выпустили через 2 года. Костеллото от пребывания в интернате лучше не стал, а напротив, стал только хуже, поскольку почувствовал себя несокрушимым, бесстрашным и безнаказанным. В школе, которую суд обязал его закончить, мелкий пакостник изображал из себя крутого гангстера; он окружил себя толпой почитателей и прыщавый Теодор Кэмпбелл был одним из них.

В январе 1946 г. Винсент проживал вместе с родителями в доме, расположенной менее чем в 100 метрах от квартиры Дегнан. Утром 7 января, направляясь в школу, Костеллото обратил внимание на патрульных полиции, стоявших у дома №5943 по Кенмор авеню. Замедлив шаг, молодой человек потоптался возле них и услышал обрывок разговора – один полицейский рассказывал другому о похищении девочки и обнаружении письма с требованием выкупа. Подобный разговор в людном месте и притом без должного контроля за окружающими, разумеется, явился свидетельством чудовищного непрофессионализма полицейских. Первейшее правило любой оперативно-розыскной работы выражается простой формулой «разделяй информационные потоки», иначе говоря, то, что предназначено для одних ушей не должны слышать другие. Патрульные это правило нарушили! Но они нарушили и другое – рассказчик назвал фамилию похищенной девочки, а персональные данные могут быть раскрыты только по решению руководства розыском.

В общем, Винсент Костеллото узнал о похищении девочки и запомнил её фамилию. В телефонной книге он отыскал номер домашнего телефона Дегнан, явился в школу и... рассказал Кэмпбеллу о том, что минувшей ночью провернул «серьёзное дело», а именно – похитил дочь богатого предпринимателя и намерен в ближайшие часы получить выкуп. На голубом

---

<sup>2</sup> Это прямой отсыл к книге Алексея Ракитина «Уральский Монстр. Хроника разоблачения самого таинственного серийного убийцы Советского Союза», размещенной в открытом доступе на авторском сайте «Загадочные преступления прошлого».

глазу Костеллото приписал себе похищение Сюзан и приказал своему «шнурку» Кэмпбеллу вступить в телефонные переговоры с родителями. Винсент дал инструкции насчёт того, как надлежит звонить и что говорить, но то ли инструкции эти были тупы, то ли Тед оказался глупее, нежели думал его дружок, но выполнить поручение Кэмпбелл так и не смог.

Помните, как в телесериале «Место встречи изменить нельзя» вор-карманник с погонялом Кирпич в исполнении Садальского произносит ставшую пословицей фразу: «Твой товарищ дурачок, что ли, хочет чтобы я своими руками срок с пола поднял?» В данном случае два юных американских придурка своими собственными руками подняли «срока» в ситуации, в которой ничто не заставляло их это делать. Костеллото не похищал маленькую Сюзан – и Кэмпбелл тоже не имел ни малейшего отношения к случившемуся – но их идиотская инициативность и стремление заработать на чужом горе привела обоих на «нары». Первый был осуждён на 4, а второй – на 2 года. И почему-то обоих совершенно не жаль!

История обнаружения юных вымогателей весьма красноречиво демонстрирует весьма высокий уровень профессионализма детективов уголовного розыска чикагской полиции. Насколько неосторожны и невнимательны были рядовые патрульные, настолько же компетентны в своём ремесле оказались детективы. Что и говорить – перед нами образчик прекрасной сыскной работы!



Старший детектив Уолтер Сторм.

Хотя работа эта не давала ответа на насущный вопрос: так кто же убил Сюзан Дегнан?

Впрочем, в те январские дни руководство Департамента полиции Чикаго придерживалось другой точки зрения. Все были уверены в том, что убийца уже пойман, его осталось лишь «расколоть» и рапортовать об успешном окончании расследования. А потому неудивительно, что Гектор Вербург подвергся интенсивной психологической обработке и физическому воздействию – то и другое преследовало цель добиться от задержанного признания вины.

Может показаться невероятным, но сделать этого не удалось! Вербург ни в чём не сознался и ни на йоту не изменил первоначальных показаний, связанных с событиями 6–7 января. Да, он чуть-чуть подкорректировал первоначальные утверждения о принадлежности ножовки по металлу, найденной в дворницкой, о передаче ключей от этого помещения другим дворникам и т.п., но подобные уточнения не имели ничего общего с признанием вины. Несмотря на запугивания, недопуск адвоката и меры физического воздействия со стороны полицейских, задержанный категорически отрицал свою причастность к похищению девочки.

В конце концов полицейским пришлось допустить к Вербургу адвоката. Тот потребовал либо освободить задержанного, либо выдвинуть официальные обвинения и представить ордер на арест, дабы защитник мог понять на чём основана убежденность в вине подзащитного. Капитан полиции Джон Салливан (John L. Sullivan) распорядился Вербурга освободить, поскольку полиция вообще не имела ни одной улики, доказывавшей причастность задержанного к преступлению. Всё, что имел в своём активе старший детектив Сторм – твёрдая убежденность, что похищению Сюзан повинен именно Вербург.

12 января бедный дворник рассказал журналистам о том, каким издевательствам подвергся после задержания. По его словам, его руки были скованы за спиной наручниками так высоко над полом, что он мог лишь стоять на цыпочках.

В этом месте автор ещё раз вынужден упомянуть о собственной же работе, прекрасно иллюстрирующей широкую распространенность среди американских «законников» манеру оказывать физическое воздействие на подозреваемых. Тот, кто читал мою книгу «Все грехи мира»<sup>3</sup>, знает, что ещё в начале XX столетия подобное подвешивание в наручниках (или ручных кандалах) являлось излюбленной пыткой американских полицейских и тюремщиков. После Второй мировой войны, как видим, нравы заокеанских правоохранителей не особенно смягчились.

После этой многочасовой пытки кисти руки Вербурга потеряли всякую чувствительность, а пальцы перестали двигаться, мужчина не мог самостоятельно не только ложку ко рту поднести, но даже брюки расстегнуть... Мужчина был доставлен в больницу, где находился на лечении 10 дней. В этом месте следует уточнить, что побоям пожилой дворник не подвергался, подвешивания хватило, что называется, за глаза.

Уже после того, как Вербурга отпустили, тот узнал, что детективы очень интенсивно работали с его женой. От женщины требовали признать отсутствие мужа в ночь на 7 января, та отказывалась это сделать и настаивала на том, что Гектор оставался в её обществе вплоть до 04:45. Чтобы склонить пожилую женщину к сотрудничеству, детективы пригрозили отнять деньги, найденные в её одежде при обыске (о чём написано выше). Деньги – напомним, что под одеждой женщины были обнаружены более 7,6 тыс.\$! – первоначально были изъяты, но после освобождения Гектора возвращены.



---

<sup>3</sup> Речь идёт о масштабной работе Алексея Ракитина «Все грехи мира» в 4-х книгах, опубликованной в 2020—2021 гг. с использованием книгоиздательской платформы «ридеро». Книга посвящена истории серийных убийств с использованием топора, имевшей место в США в начале XX столетия, и анализу их расследования с точки зрения современных криминалистических представлений.

Иллюстрация из американской книги 1910 года издания демонстрирует ту самую пытку, которой Гектор Вербург подвергся в здании полицейского управления в январе 1946 г. Пытка эта была мучительна не только потому, что наручники (или кандалы) нарушали кровоток в кистях рук, но ещё и потому, что напряжение торса в согбенном положении препятствовало поддержанию естественного процесса дыхания. В течение нескольких десятков минут развивалось постепенное удушение, вследствие чего поднималось давление крови и нарушалась работа сердца. Это был довольно опасный эксперимент над здоровьем узника, который мог закончиться для человека с заболеваниями органов дыхания или сердечно-сосудистой системы весьма печально. Зафиксированы многочисленные – счёт идёт на многие десятки! – случаи смерти людей, скованных и подвешенных подобным образом. Примечательно, что аналогичным пыткам подвергались и женщины, известны случаи смерти женщин от такого сковывания рук.

На этом бедолага дворник из нашего повествования исчезает, его никогда более ни в каких преступлениях не подозревали. Остаётся добавить, что Гектор Вербург подал на Департамент полиции Чикаго в суд, требуя выплатить 15 тыс.\$ в качестве компенсации за физические и нравственные страдания, пережитые во время 3-дневного задержания.



Внучки Гектора Вербурга – Дайан Глэддинг и Марджори Груп – кормят любимого дедушку с ложечки. Фотография из газеты от 13 января 1946 г.

После начала судебного процесса это требование было дополнено – истец заявил также о необходимости выплатить деньги его супруге, в отношении которой детективы также не гнушались незаконными приёмами ведения следствия.

В суде выступали дети и внуки Гектора – у него были 6 детей (из них 2 родных и 4 приёмных) и 7 внуков. Все они очень положительно характеризовали Вербурга, судя по всему, тот действительно был добрым и безобидным человеком, из тех, о ком говорят, что он и мухи не обидит. Ему не повезло попасть в жернова американской полиции, но благодаря проявленной стойкости и удачному стечению обстоятельств, а также хорошо отлаженной системе правосудия, всё для него закончилось весьма неплохо.

Исковые требования Вербурга были удовлетворены в полном объёме и летом 1946 года он получил 15 тыс.\$ компенсации, а его жена – 5 тыс.\$.

Что последовало после освобождения дворника и отказа от подозрений в его адрес?

Полиция Чикаго сосредоточилась на выявлении и проверке всех, кто выражал заинтересованность в получении премии, обещанной властями за помощь в разоблачении пре-

ступника. Логика правоохранителей выглядела предельно рациональной: преступник может предпринять попытку получить деньги, наведя расследование на ложный след, скажем, подбросив улику... Либо деньги заинтересуют кого-то, кто имеет основания подозревать настоящего убийцу. Несколько десятков тысяч долларов, плюс всеобщая известность – это серьёзный стимул для того, чтобы начать говорить. Полиция и прокуратура в своих расчётах исходили из того, что преступник несамостоятелен – сие следовало из отсутствия личной автомашины! – он живёт под присмотром родственников и с большой вероятностью его отсутствие в ночь на 7 января не осталось незамеченным. Преступник проживает в северном Чикаго и его родственники, зная о присущих ему отклонениях, в какой-то момент должны будут сделать определенные выводы.

Перед полицией ставилась задача выявить среди тех, кто интересовался возможностью получить деньги в обмен на информацию, человека, действительно осведомленного о деталях преступления. Забегая чуть вперёд, можно сказать, что по официальным данным полиции Чикаго, в рамках расследования похищения и убийства Сюзан Дегнан тщательной проверке подверглись около 370 человек. Детективы устанавливали их alibi, допрашивали с использованием полиграфа, опрашивали соседей, родственников, коллег по работе и т.д. Наряду с упомянутыми выше дворниками, а также такими очевидными подозреваемыми, как сексуальные преступники, проверялись и лица, звонившие в редакции средств массовой информации.

Спустя 2 недели со времени убийства Сюзан полицейские, продолжавшие заниматься поиском отсутствующих рук, сделали важную находку. Они обнаружили то, что криминалисты сочли орудием убийства. Речь идёт об удавке – куске медного провода в плотной тканевой обмотке (пластик тогда ещё не использовался в качестве изоляции!) длиной 57 см. В большинстве современных очерков, посвященных тем событиям, обычно пишут, будто провод был найден по соседству с местом проживания семьи Дегнан, но это не совсем так. Находка была сделана в небольшом дворе, образованном домами №6035 и №6037 по Уинтроп авеню – это место удалено от дома, в котором проживала похищенная девочка, более чем на 350 м. Согласитесь, это не совсем по соседству.

На провод оказались намотаны 7 светлых волосков, вырванных из затылочной части головы при его затягивании и закручивании. Именно наличие волосков, совпадавших длиной и цветом с волосами Сюзан Дегнан, убедило криминалистов в том, что обрезок провода использовался в качестве гарроты. Провод и волосы находились в скомканном бело-синем носовом платке, судя по цветовой гамме и размеру это был мужской платок. По-видимому, преступник смял его и перебросил во двор через ограду, словно мячик. К платку несколькими стежками была пришита небольшая бирка "S.Sherman». Представлялось очевидным, что эта маленькая метка прикреплена в прачечной и обозначает фамилию владельца платка. Загадочного С. Шермана надлежало непременно найти!





Схема района Эджуотер в городе Чикаго с указанием мест, связанных с расследованием в январе 1946 г. убийства Сюзан Дегнан. Схема условна и содержит ряд искажений, связанных с удобством её отображения, в частности, улицы показаны более широкими, нежели на самом деле. Помимо мест проживания семьи Дегнан и расчленения трупа Сюзан, числами 1—4 показаны места расположения колодцев ливневой канализации, в которых на протяжении ночи с 7 на 8 января 1946 года оказались обнаружены части тела убитой девочки. Большой звёздочкой \* к северо-западу от квартиры Дегнан обозначен двор между домами №6035 и №6037 по Уинтроп авеню, в котором 21 января была обнаружена удавка, использованная для умерщвления девочки. В этой связи интересно отметить то обстоятельство, что преступник не ушёл далеко от дома жертвы и избавился от орудия убийства в нескольких сотнях метров от него. Это открытие подтвердило справедливость сделанного ранее вывода об отсутствии у преступника автомашины.

В Чикаго зимой 1945 – 1946 гг. проживало аж даже 23 «С. Шерманов»! Исключив из рассмотрения младенцев и немощных стариков, детективы принялись проверять всех оставшихся. Довольно быстро – буквально в течение пары суток – внимание детективов оказалось сосредоточено на некоем 21-летнем Сидни Шермане, проживавшем в южном пригороде Чикаго под названием Гайд-парк. Мужчина служил во флоте, после окончания войны на Тихом океане был демобилизован, отработал пару месяцев лифтовым мастером и в середине января перестал ходить на работу. Причём даже не получил зарплату за последнюю неделю работы!

Когда полицейские явились по месту проживания Шермана, выяснилось, что молодой мужчина исчез в неизвестном направлении. Причём, по-видимому, уезжал он в спешке, среди забытых им вещей оказались шёлковое кашне и новые кожаные перчатки. Это были вещицы не только изящные и довольно дорогие, но и полезные в условиях влажной чикагской зимы... Неужели Сидни Шерман от кого-то убегал? Быть может, от полиции?

К розыску подозреваемого немедленно подключилось ФБР, началась невидимая охота в масштабах всего государства. Сидни был найден в городе Толедо, штат Огайо, на удалении около 300 км. от Чикаго. Произошло это на 4-й день с момента обнаружения гарроты – прямо скажем, потрясающий успех, учитывая тогдашнее состояние средств связи и отсутствие в США привычного для нас паспортного режима и воинского учёта.

Шерман чрезвычайно удивился появлению на пороге его квартиры агентов ФБР. Он безропотно согласился проследовать с ними и ответить на все вопросы, также согласился пройти допрос на «полиграфе». Проверка сняла с Сидни Шермана все подозрения, выяснилось, что найденный платок ему не принадлежал, к убийству Сюзан он не причастен и никуда из Чикаго не бежал. Поссорившись с любимой девушкой, к которой приехал после демобилизации, он собрал свои небогатые пожитки и уехал из Чикаго, который стал ассоциироваться с неприятными для него эмоциями. Подарки девушки – кашне и перчатки – он умышленно забирать не стал, дабы в последующем не раздражать себя болезненными воспоминаниями. Во время похищения и убийства девочки в Эджуотер Глен Сидни Шерман находился на дежурстве за более чем 20 км. от места совершения преступления. Его перемещения в те часы можно было восстановить буквально по минутам, так что вопрос о возможной причастности подозреваемого к изуверскому убийству был решён быстро и в наилучшем для него смысле.

В общем, к концу января полиция Чикаго вернулась на исходные позиции. Было решено отработать расширенный вариант первоначальной версии происхождения бело-синего платка, согласно которой в чикагскую прачечную попала вещь не жителя Чикаго. То есть розыск следовало вести не по фамилии, а по бирке, нашитой в прачечной. Работа была огромной, в одном из крупнейших городов США в то время действовало около 2 тыс. прачечных, принимавших в работу огромное количество вещей. Многие прачечные работали с гостиницами, кроме того, услуги по стирке и чистке вещей оказывались и в некоторых гостиницах, преимущественно крупных.

Может показаться невероятным, но полиции Чикаго удалось отыскать того самого Шермана, которому принадлежал платок. Этот человек проживал в Нью-Йорке, звали его Сеймур и в Чикаго он бывал регулярно, поскольку являлся пилотом гражданской авиации. Он признал предъявленный ему платок, но не мог вспомнить когда и по какой причине потерял его. У Сеймура Шермана имелось отличное *alibi*, полностью исключавшее его причастность к похищению Сюзан Дегнан. Дело в том, что в ночь на 7 января 1946 г. он находился в Европе – лучше только на кладбище или в тюрьме [уж простите автору этот чёрный юмор].

В общем, платок с биркой "S.Sherman" следствие никуда не привёл. Отработка этого направления отняла много сил и времени, но итог оказался совершенно ничтожен. По-видимому, убийца каким-то образом заполучил носовой платок пилота гражданской авиации и умышленно выбросил его вместе с уликой, рассчитывая на то, что полиция отправится в путь, который никогда не приведёт её к успеху. Что ж, следовало признать, что расчёт преступника оправдался!

29 января 1946 г. Хелен Дегнан, мать убитой Сюзан, получила бандероль – небольшую картонную коробочку, похожую на упаковку шоколадных конфет. Женщина подумала, что там действительно конфеты, поскольку коробка была лёгкой. Однако, Хелен ошиблась, в коробке находилась... вата.

Подняв слой ваты, женщина увидела отрезанное ухо. Настоящее. Человеческое.

Отрезанное человеческое ухо было завернуто в кусочек папиросной бумаги размером 3\*3 дюйма (т.е. 7,5 см. на 7,5 см.). На этом клочке простым карандашом было нацарапано: "Твоё ухо будет следующим" ("Will cut your ear next").

Подобная бандероль способна вызвать, как минимум, лёгкую оторопь. Любой человек, получивший подобное послание, наверняка задастся вопросом: "За что мне такое?" Разуме-

ется, поражена случившимся оказалась и Хелен Дегнан. Она вызвала полицию и полицейские тоже озадачились посылкой.

Лейтенант Филип Брайтцке (Philip Breitzke), начальник Отдела расследования убийств городского Департамента полиции, отдал приказ своим людям проследить путь бандероли. Обращение в почтовую инспекцию позволило установить, что посылка была отправлена как обычное письмо – её малый вес позволял это сделать – накануне, т.е. 28 января, из южного Чикаго. Отправитель наклеил избыточное количество марок, так что у работников почтового ведомства вопросов к отправлению не возникло. На коробке имелся обратный адрес, но он соответствовал зданию налогового управления, что, очевидно, имело издевательский подтекст. Кстати, данная деталь – т.е. наличие обратного адреса – от прессы была скрыта по вполне понятной причине [об "индикаторе осведомленности" было сказано несколько выше].

Полицейские довольно точно определили места, в которых злоумышленник мог опустить своё послание в приёмный ящик, но опрос местных жителей не позволил обнаружить свидетелей, видевших человека с коробкой.

Была проведена проверка отправления специалистом по почерку. У детективов теплилась надежда на то, что криминалист сумеет отыскать в написании слов некие признаки, совпадающие с особенностями почерка автора записки с требованием выкупа Сюзан Дегнан. Если бы это случилось, то у правоохранительных органов появилась бы уверенность в том, что отправитель бандероли и убийца девочки одно и то же лицо – понятно, что такой вывод мог бы оказаться важным для следствия.

Но – нет! – ничего из этой затеи не вышло. Почерковедческая экспертиза предполагает работу с образцами т.н. «свободного почерка», то есть такими текстами, которые написаны в удобной обстановке и в условиях достаточности времени. В чем менее естественной обстановке пишет человек, тем сильнее искажается его почерк и тем менее достоверен окажется вывод эксперта. Слова на коробке – как снаружи, так и изнутри – были написаны когда коробку держали на весу, картон дрожал и прогибался, что сильно исказило почерк. По этой причине криминалист отказался сделать какое-либо заключение о сходстве почерков, которыми были исполнены письмо с требованием выкупа и надпись снаружи и внутри бандероли.

Ухо, полученное Хелен Дегнан, принадлежало мужчине. То, что ухо именно мужское можно было заключить из его размеров и по нескольким коротким волоскам, налипшим к ране в месте отрезания. Правоохранительные органы приложили немало сил, чтобы установить происхождение уха. В принципе, если бы удалось узнать, где и как именно отправитель его раздобыл, можно было бы сделать кое-какие предположения о личности этого человека.

К делу вновь подключилось ФБР. Поскольку по одной из версий, преступник отрезал ухо у недавно захороненного трупа, были проанализированы все случаи вандализма на кладбищах страны начиная с середины декабря 1945 г. Поскольку ухо можно было отрезать у тела, сильно поврежденного, скажем, в результате ДТП или авиакатастрофы, проверялись все похоронные компании, занимавшиеся организацией похорон подобных тел на протяжении последних полутора месяцев. Отдельное направление розыска было связано с проверкой моргов, в которых проводились вскрытия тел для обучения студентов-медиков.



Заметка в газете от 31 января сообщила читателям о бандероли с человеческим ухом, полученной Хелен Дегнан. Просочившаяся в газеты интригующая информация вновь подстегнула общественный интерес к расследованию. Вообще же, события, связанные с похищением и убийством маленькой Сюзан Дегнан, на протяжении нескольких недель дали очень богатую пищу для всевозможных домыслов и пересудов.

Работа была проведена очень большая. Бюро проверило более 50 подозрительных "сигналов", но ни один из них не вывел расследование на сколько-нибудь достоверный круг подозреваемых. Кто отослал по почте человеческое ухо семье Дегнан и от кого это ухо было получено, правоохранительные органы установить так и не смогли.

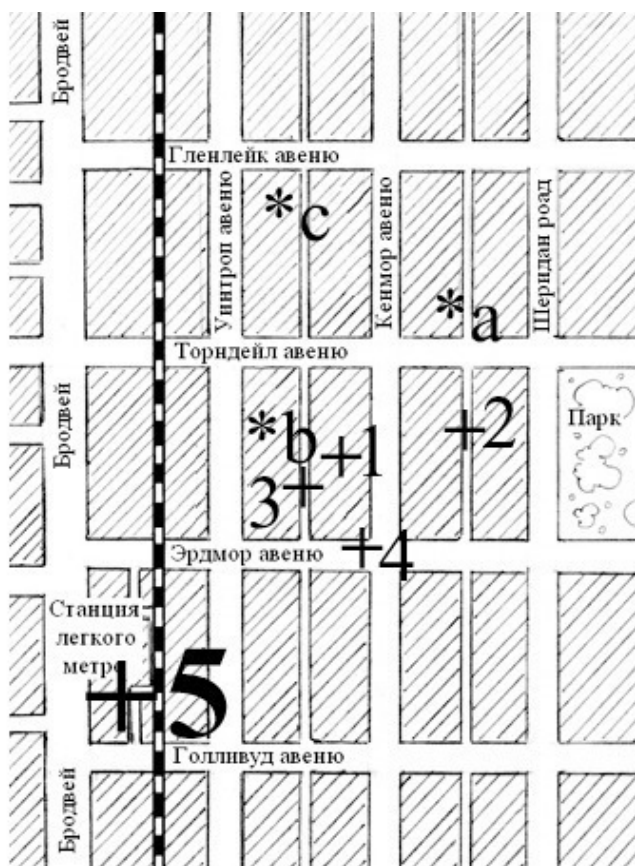
Детективы из группы Уолтера Сторма продолжали ещё проверять людей различной степени подозрительности – напомним, таковых оказалось более 370! – как 19 февраля 1946 г. поступило сообщение об обнаружении двух отрезанных человеческих рук. Конечности были найдены рабочими компании «Commonwealth Edison», оказывавшей услуги по электроснабжению северного Чикаго. Руки находились в неглубоком колодце ливневой канализации возле станции «лёгкого» метро, надземной железной дороги, существовавшей в те годы, но исчезнувшей впоследствии при масштабной реконструкции городской инфраструктуры. Осмотр найденных рук убедил судмедэкспертов в том, что они принадлежали Сюзан Дегнан.



Статья в газете от 21 февраля 1946 г. с рассказом об обнаружении рук убитой девочки.

Т.о. все части тела Сюзан Дегнан теперь были собраны.

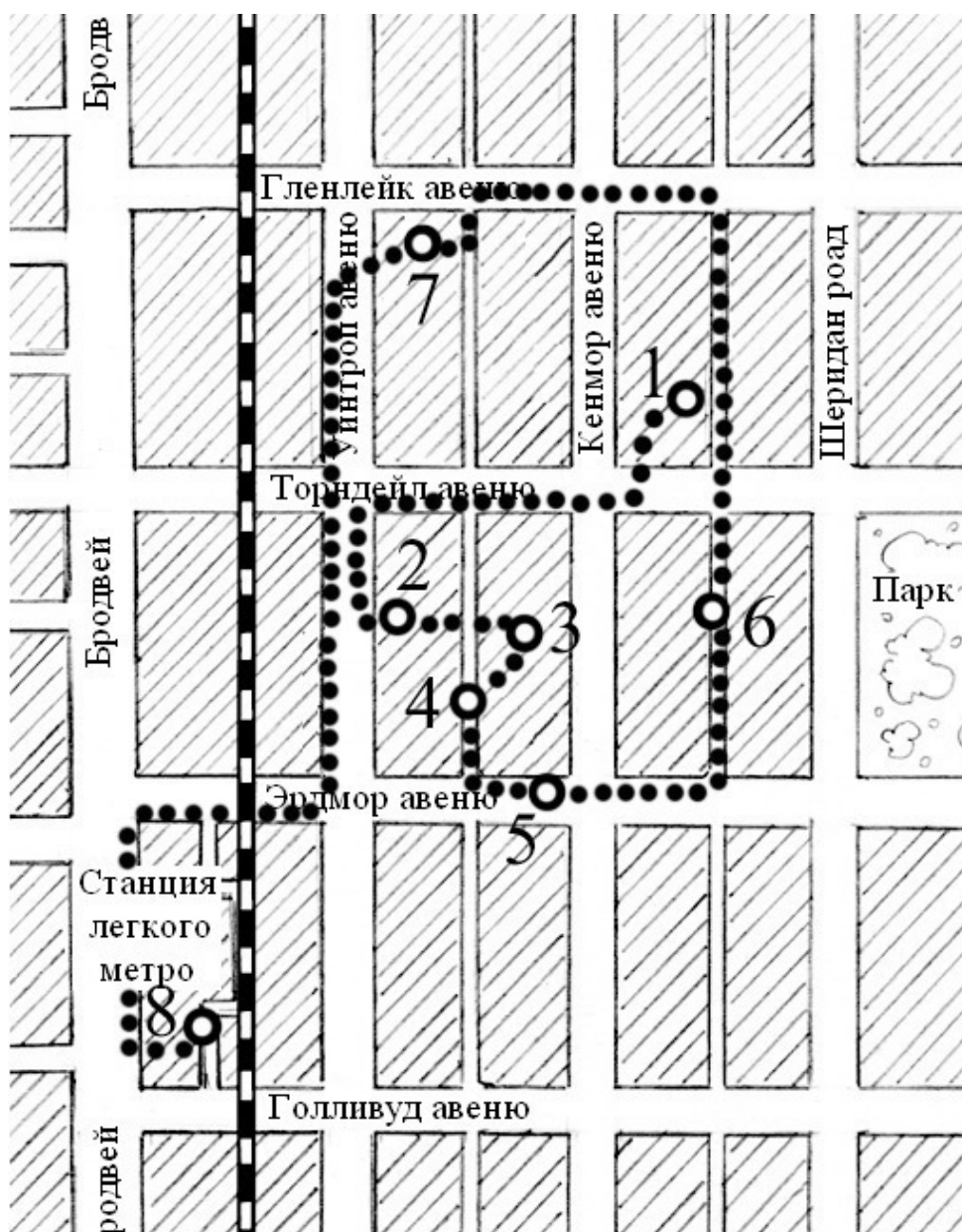
Если посмотреть на карту перемещений убийцы в ночь совершения преступления, то картина получалась довольно любопытной. Из квартиры Дегнан он с девочкой – живой, либо уже мёртвой, не суть важно! – сначала переместился в прачечную, расчленил там тело, а затем пробежал по улицам Эджуотера, разбрасывая фрагменты тела. С большой вероятностью, он прошёл мимо дома Дегнан и именно тогда подбросил письмо с требованием выкупа. Это предположение хорошо объясняет, почему письма не оказалось в спальне девочки, где его преступник должен был оставить в момент похищения – он засунул его в щель в окне другой комнаты при повторном прохождении возле дома. Преступник не смог унести лестницу от дома Дегнан потому, что к тому времени ещё не избавился от опаснейших улик – рук девочки и удавки, которой её задушил. Далее убийца прошёл на север, бросил через забор удавку из провода и уже после этого спустился к югу, к станции железной дороги.



Карта района Эджуотер Глен в северном Чикаго с указанием мест, связанных с убийством Сюзан Дегнан. Схема условна и для удобства восприятия выполнена без соблюдения масштаба. Условные обозначения: \*а – место проживания семьи Дегнан в доме №4953 по Кенмор авеню; \*b – место расчленения трупа девочки в подвальном помещении дома №5901 по Уинтроп авеню; \*с – место обнаружения удавки, использованной при убийстве Сюзан, во дворе между домами №6035 и №6037 по Уинтроп авеню; +1, +2, +3 и +4 – места обнаружения фрагментов расчлененного тела (головы, торса и обеих ног) в ночь на 8 января 1946 г. Жирным знаком +5 показано место у станции лёгкого метро у пересечения Голливуд авеню и Бродвея, где 19 февраля 1946 г. были найдены руки Сюзан Дегнан. Расстояние от \*с до +5 менее 900 метров. Преступник, по-видимому, сделал круг по Эджуотеру и покинул район на одном из ранних поездов.

Действия преступника в ночь убийства следовало признать очень странными. Подавляющее большинство убийц не стали бы утруждать себя столь продолжительной, изнурительной и опасной прогулкой поблизости от места похищения ребёнка. Общая протяженность маршрута, пройденного преступником после похищения Сюзан, превышала 2 км., значительную его часть убийца проделал, неся похищенную девочку. Напомним, что вес Сюзан составлял 31 кг! Здоровый мужчина, не отягощенный гуманитарным образованием, поднимает такой вес без особых затруднений, но одно дело поднять и поддержать на весу и совсем другое – перенести, скажем, на 400 м. Или на 500 м., или на 600. Убийца явно не был алкоголиком-калдырём, шатающимся от веса собственной тени!

Учитывая, что убийца затратил некоторое время на расчленение трупа, общая продолжительность его пребывания в районе совершения похищения должна была составить никак не менее 1 часа, а по-видимому, гораздо более того. То, что этот человек не спешил поскорее покинуть Эджуотер указывало с одной стороны, на его крайнюю дерзость, а с другой – на хорошее знание местности и уверенность в своих силах.



Карта района Эджуотер Глен в северном Чикаго с указанием предполагаемого маршрута движения убийцы в ночь с 6 на 7 января 1946 г. Большие точки с белым центром – это места, в которых [или возле которых] преступник несомненно побывал, пунктиром показан соединяющий их маршрут. Пунктирная линия нанесена произвольно и может быть до некоторой степени изменена. Нумерация больших точек демонстрирует предполагаемый порядок их обхода преступником, где 1 – квартира Дегнан, место начала движения; 2 – дворницкая, место расчленения трупа, 3—6 – места сброса частей тела; 7 – место, где была выброшена удавка, явившаяся орудием убийства и 8 – место сброса отрезанных рук девочки возле станции «лёгкого» метро, по-видимому, последняя достоверно известная точка пути движения преступника. Как видим, схема перемещений весьма любопытна и позволяет сделать кое-какие выводы о личности похитителя девочки.

Протяженность маршрута движения убийцы после ухода из квартиры Дегнан никак не могла быть менее 1800 метров – и это даже с учётом "срезания" всех углов и прохода через дворы, где это было возможно. В действительности, по-видимому, убийца прошёл более 2 км., при этом следовало принять во внимание, что он ходил и до того, как проникнуть в квартиру Дегнан, и даже принёс с собою довольно тяжёлую стремянку, о чём в своём месте было сказано.

Преступник, скорее всего, имел очень неплохую физическую форму и был уверен в своих силах. Он непринужденно передвигался по ночным улицам с частями расчлененного тела потому, что был уверен в своей способности убежать от любого, кто представит для него какую-то опасность. Или считал, что справится с таким человеком. Если бы подобной уверенности убийца не испытывал, то он вряд ли стал бы искушать судьбу. Ведь быть пойманным с расчлененным телом маленькой девочки в сумке – это верный путь на электрический стул! С большой вероятностью можно было предположить, что убийца имел при себе пистолет и при разрешении любого возможного конфликта полагался не только и не столько на свои крепкие ноги, сколько на более весомый огнестрельный аргумент.

В том, что убийца имел весьма неплохие физические кондиции убеждала, в частности, и его способность беззвучно поднимать и опускать чугунные люки канализационных колодцев. В России и США эти люки примерно одинаковых размеров и массы, в минуту досуга подойдите к такому люку и попробуйте его беззвучно открыть и затем поставить на место – после этой попытки вы сразу поймёте, что имеет в виду автор. В ночь с 6 на 7 января никто из жителей Эджуотера не слышал звуков возни с люками, а ведь преступник неоднократно сбрасывал в колодцы части тела девочки!

Вся совокупность изложенных выше соображений указывала на энергичного, дерзкого, решительного преступника, готового пойти на риск и уверенного в своих силах. Этот человек скорее всего был хорошо вооружён и без колебаний мог прибегнуть к насилию. К концу февраля уже казалось несомненным, что этот человек молод и никто не сомневался в том, что полиция допустила серьёзную ошибку, вцепившись в бедолагу Гектора Вербурга без должных на то оснований! Полиция по-прежнему была убеждена, что убийца не имел автомашины и маршрут его перемещений в ночь совершения преступления эту уверенность лишь укреплял.

Отсутствие автомашины у молодого мужчины наводило на мысль о его недееспособности, но такие люди обычно находятся под плотным контролем ближайших родственников. Такой человек вряд ли сможет ночь напролёт бродить вдали от дома и долго держать в тайне от родственников свои загулы... Но убийца Сюзан Дегнан бродил по району всю ночь и делал это, по-видимому, не в первый раз, на эту мысль наводила продемонстрированная им способность ориентироваться на местности. Если этот человек действительно мог ночи напролёт отсутствовать дома, не привлекая внимания родственников, значит он жил один.

Это противоречие [предполагаемый контроль родственников и возможность бесконтрольно бродить по городу ночи напролёт] могло найти весьма логичное, но неожиданное объ-



яснение. У преступника могла быть машина, но он не пользовался ею при совершении своих криминальных вылазок, благоразумно опасаясь, что случайный свидетель обратит на неё внимание.

Если это предположение было верно, то перед преступником можно было снять шляпу – он оказывался не только дерзок и силен, но и очень умен!

19 марта 1946 г. закрутилась интрига, которую можно считать одним из самых неясных фрагментов истории расследования убийства Сюзан Дегнан. В тот день в городке Шебойган (Sheboygan), расположенном примерно в 170 км. к северу от Чикаго, была задержана 24-летняя Глория Уилльямс (Gloria Williams). Случившееся с нею можно считать совершенно непримечательным эпизодом – молодая женщина в вечерний час сидела в парке, полицейский патруль обратил на неё внимание, стал выяснять кто она и почему не идёт домой... В общем, слово за слово, и нетрезвая Глория надерзила полицейскому, а тот задержал её за бродяжничество. Глории и впрямь было некуда идти, она лишилась работы официантки и домовладелец выгнал её из комнаты за неуплату долга, так что визит в полицейский участок обеспечил её по крайней мере тёплым ночлегом.

Как видим, завязка истории совершенна рутинна, но вот далее стало интереснее. Поутру, проспавшись и протрезвев, Глория сообщила полицейскому, любезно угостившему её кофе, кое-что любопытное. По её словам, во время работы официанткой она стала свидетелем разговора двух мужчин в кафе. Один из мужчин как будто бы рассказывал другому о совершенном преступлении, о том, что он присмотрел квартиру и давно хотел туда проникнуть – что-то такое... Второй слушал и время от времени задавал уточняющие вопросы. Всё это звучало расплывчато и неконкретно – да и слышала Глория не весь разговор! – но в какой-то момент один из мужчин спросил другого про лестницу. И тот ответил очень странно: «Не было никакой машины с лестницей!» Спрашивавший стал настаивать и даже сослался на газетные публикации, дескать, как это не было, если в газетах написали! А отвечавший лишь нетерпеливо качнул головой: «Говорю же тебе, не было никакой машины с лестницей!»

Глория поначалу вроде бы позабыла мужчин и их непонятный разговор, но с течением времени стала возвращаться к нему в своих воспоминаниях и размышлять об услышанном. О какой истории с лестницей на машине недавно писали газеты? Правильно, о похищении Сюзан Дегнан! А ценный свидетель Томас Голдстик, упоминавшийся в этом очерке ранее, всю рассказывал газетным репортёрам и радиожурналистам об увиденной им возле дома Дегнан подозрительной машине...

Полицейский, выслушал рассказ Глории, поднял телефонную трубку и позвонил в Отдел расследования убийств Департамента полиции Чикаго, дескать, у нас тут имеется потенциальный свидетель, если интересуетесь – подъезжайте, поговорите!

Детективы из Чикаго метнулись в Шебойган, поговорили с Глорией Уилльямс и крикнули. Они-то точно знали, что никакой машины с лестницей на крыше не было и быть не могло, похититель принёс лестницу на руках от магазина по соседству! Но этого не знал никто, кроме буквально десятка полицейский и самого убийцы! И вот теперь официантка из маленького городка в Висконсине со ссылкой на неизвестного посетителя кафе, рассказывает, что газеты наврали и машина с лестницей на крыше не имеет ни малейшего отношения к делу.

Означало ли это, что Глория видела и слышала убийцу Сюзан Дегнан? Означало ли это, что полиция наконец-то получила свидетеля, способного этого убийцу опознать?

Глорию Уилльямс перевезли из Шебойгана в Чикаго. Следствие возлагало большие надежды на свидетельницу. Ей были предъявлены фотографии всех лиц, привлёкших ранее внимание правоохранительных органов – Глория ни в одном из них не опознала посетителей кафе, обсуждавших похищение Сюзан Дегнан. Тогда женщину попросили помочь полицейскому художнику сделать наброски подозрительных клиентов. Глория с готовностью согласи-

лась помочь и в этом, но... выяснилось, что молодая женщина запомнила только самые общие приметы, которых никак не хватало даже для самого общего наброска.

Полицейские несколько дней возились с нею, не теряя надежды выудить хоть какую-то информацию, способную продвинуть следствие вперёд, но ничего дельного у них не выходило. Можно было бы решить, будто Глория мистифицировала полицию, но подобное предположение выглядело сомнительным, поскольку молодая женщина ничего не просила за своё участие в расследовании. Не похоже было, что ей нужны были деньги или слава – она, по-видимому, действительно слышала то, о чём рассказывала, и сильно переживала оттого, что у неё не получалось припомнить то, в чём нуждалась полиция.

Пикантность ситуации придавало то обстоятельство, что из полиции произошла утечка информации и журналисты узнали о существовании некоего важного свидетеля, способного продвинуть расследование вперёд. Опасаясь за безопасность Глории, руководство городской полиции предприняло все мыслимые меры конспирации – персональные данные Уильямс держались в строжайшем секрете, женщину поселили в мотеле, подле которого постоянно дежурила машина без опознавательных знаков полиции и пр. Тем не менее, общественность узнала, что некий ценный свидетель имеется и потому следует ждать репортажей о скорых успехах расследования. А между тем, появление Глории отнюдь не гарантировало эти самые успехи!

Сложно сказать, как развивались бы события далее, вполне возможно, что правоохранительным органам удалось бы добиться от свидетельницы нужного результата, проведя допрос под гипнозом. Однако 27 марта произошла трагедия, положившая конец работе с Глорией.

В тот день ранним утром Глория Уильямс трагически погибла в огне. Следившие за мотелем полицейские в штатском увидели подозрительные всполохи в окне её номера и подняли тревогу. Огонь быстро был потушен, строго говоря, пожар толком и не разгорелся, но это уже не имело большого значения – женщина задохнулась в дыму.

Расследование инцидента проводил лейтенант Джон Боланд (John Boland). В силу понятных причин возникли подозрения в том, что смерть важнейшего свидетеля, точнее, свидетельницы, явилась следствием чьих-то злонамеренных действий. Если Глория действительно была убита, то это заставило бы подозревать предательство в рядах полиции.

Глория задохнулась в дыму, что и подтвердило вскрытие тела, проведенное службой коронера. Верхняя часть тела сильно обгорела, и хотя пожар разгореться не успел, нескольких минут воздействия открытого пламени хватило на то, чтобы сделать труп неузнаваемым визуально. Тело было идентифицировано по отпечаткам пальцев, хотя с самого начала мало кто сомневался в том, что в кровати Глории находилась именно Глория.

Молодая женщина, по-видимому, заснула с тлеющей сигаретой, от которой загорелась постель. В крови трупа был найден алкоголь, Глория Уильямс в последний вечер своей жизни была крепко пьяна, что и объяснило фатальность несчастного случая. Трезвый человек обычно успевает проснуться при возникновении пожара рядом со спальным местом.

Анализ ситуации убедил правоохранительные органы в том, что трагическая смерть молодой женщины явилась следствием стечения обстоятельств. К сожалению, крепко пьющие люди – а Глория, судя по всему, питала пристрастие к "зелёному змию" – действительно становятся порой жертвами курения в постели.

Сейчас очень сложно судить о том, имела ли какую-то практическую ценность информация, которой располагала Глория Уильямс. Она не искала денег и не рассчитывала посредством услуги правоохранительным органам решить какие-то личные проблемы, а посему причин сомневаться в её искренности вроде бы нет. Однако её образ жизни – злоупотребление спиртным, отсутствие постоянного жилья и работы – позволяет до некоторой степени усомниться в объективной точности её рассказа. Насколько показания этой женщины соответствовали тому, что в действительности говорили подозрительные мужчины? Что она привнесла

от себя? Не сыграло ли воображение Глории злую шутку с нею и детективами, поверившими ей? Последующие события никакой ясности в ответы на эти вопросы не внесли, дать описание предполагаемого преступника эта женщина не смогла, а потому мы не можем сказать, что её кратковременное участие в расследовании каким-то образом продвинуло его в нужном направлении.

Нет, не продвинуло...

Время шло. Никакой информации об успехах правоохранительных органов не поступало. Между тем, такого рода сообщения были нужны как воздух. Расследование убийства маленькой Сюзан Дегнан получило огласку в масштабе всей страны, а потому проводимое в Чикаго расследование имело определенный политический подтекст. Общественность ждала рапортов об успехах – и где же те успехи?!

По-видимому, именно потребность в победном рапорте побудила полицию Чикаго пойти на довольно неожиданный шаг. 6 апреля 1946 г. журналистам были сообщены кое-какие детали установления владельца платка с меткой "S.Sherman", найденного вместе с проводом, предположительно явившимся орудием убийства Сюзан Дегнан. О том, что правоохранительным органам удалось отыскать человека, которому этот платок принадлежал, ранее в этом очерке уже упоминалось.

Его розыску помог капитан полиции Нью-Йорка Адам Юлч (Adam Yulch). Полицейский имел довольно необычное хобби – он изучал всевозможные метки, которые наносятся на верхнюю одежду, нижнее белье, платяные изделия, постельное белье и различные аксессуары. Причём, метки любые – компаний-производителей, пошивочных ателье, прачечных, различных учреждений (больниц, воинских частей, тюрем и пр.). Юлч собрал огромную коллекцию всевозможных меток (нашивок) и настолько хорошо стал разбираться в этой весьма специфичной теме, что к нему для консультаций стали обращаться даже криминалисты ФБР.

Когда в распоряжении следствия по делу об убийстве Сюзан Дегнан появился платок с меткой "S.Sherman", сотрудники ФБР рекомендовали чикагским детективам проконсультироваться у Юлча. Тот изучил представленный ему платок в ультрафиолетовом свете и обнаружил едва различимый отгиск штампа прачечной. Это было совсем недавнее американское "know how" – в некоторых прачечных отказались от пришивания бирок и стали помечать одежду клиентов невидимой краской. Юлч назвал адрес прачечной, где следует навести справки, и чикагском детективам удалось выйти на правильный след.



Капитан полиции Нью-Йорка Адам Юлч (фотография из газеты).

Всё это, конечно же, было очень интересно, но совершенно непонятно, для чего увлекательный рассказ о капитане Юлче оказался предан гласности в начале апреля 1946 г. По мнению автора, произошло это по причине, признавать которую руководству правоохранительных органов округа Кук и штата Иллинойс в целом было крайне неудобно. Речь идёт о пробуксовке расследования и необходимости как-то эту пробуксовку замаскировать. Автор не настаивает на том, что такое объяснение верно, но оно представляется ему весьма вероятным.

А через 3 недели тугой спиралью затянулась новая интрига, долгое время остававшаяся тайной для всех, непричастных к расследованию. Началось всё с того, что 24 апреля некий Ричард Рассел Томас (Richard Russell Thomas), 42-летний житель города Финикса в Аризоне, залез в трусики своей 12-летней дочери, старшей из 3-х дочерей, и попытался принудить девочку к оральному сексу. Девочка от папочки убежала и пожаловалась матери. Поскольку со стороны папаши эта выходка была уже не первой и жена убеждала его регулировать собственную похоть иными способами, не трогая дочерей, то реакция со стороны женщины последовала незамедлительно. Она позвонила в Службу окружного шерифа и рассказала о домогательствах мужа в отношении дочери.

К дому Томаса приехал помощник шерифа Стэнли Кимбэлл (Stanley Kimball), побеседовал сначала с девочкой, потом с Ричардом, надел на последнего наручники, да и отвёз в офис. Томас, сидючи на заднем сидении автомашины Кимбэлла, сначала проливал горячие слёзы

по поводу лжесвидетельства жены и любимой старшей дочери, а затем внезапно ожесточился и заговорил про то, что «сучек надо использовать и убивать, чтобы не болтали», что он «так уже делал» и в «Чикаго следы свои уже оставил»... В общем, пьяный нёс какую-то бессвязную околесицу, а помощник шерифа его не перебивал, ибо страна-то свободная и никто не отменял свободу слова в машине шерифа после формального задержания!

По приезду в офис Службы шерифа и помещении задержанного в камеру, Кимбэлл сообщил дознавателю о болтовне Томаса про "убийство сучек" и "следы в Чикаго". Какие-либо выводы из этого делать не следовало, ибо Финикс и Чикаго расположены в разных концах США, да и пьяная болтовня сама по себе не заслуживает в большинстве случаев особого внимания, но произошедшее некоторое впечатление на причастных к делу произвело.

Минули 2 суток, Томас как следует проспался, обстоятельно поговорил с дознавателем на допросе и... вечером 26 апреля неожиданно заявил, что хочет сделать важное заявление, но беседовать будет только лично с окружным шерифом. На уточняющий вопрос "какого рода заявление он хочет сделать?", задержанный ответил, что речь пойдёт о похищении и убийстве.



Супруги Дегнан с близкими родственниками (родной сестрой миссис Дегнан и родным братом мистера Дегнана).

Шериф Роач немедленно примчался в местную тюрьму «Forest castle», где вынужденно коротал свой досуг Ричард Томас, и поговорил с ним. Общение растянулось на более чем 3 часа, Томас в своих рассказах оказался очень обстоятелен, последователен и логичен. Он сообщил шерифу, что в военное время по медицинским показаниям не подлежал призыву в действующую армию, но будучи медбратом, был направлен на работу в больницу в Чикаго. Там он работал в 1944—1945 гг., а в начале 1946 г., в связи с окончанием Второй Мировой войны, получил возможность уволиться и уехать к семье в Финикс. Но поскольку нехорошо возвращаться к любимым с пустыми руками, Томас решил хапнуть денег. Как? Ну, это же очевидно – похитить ребёнка и получить выкуп.

По его словам, он знал, что в доме, в котором проживали Дегнан, живёт богатый адвокат, причём, он занимает несколько квартир как на 1-м этаже, так и на 2-м. Томас заготовил два идентичных письма с требованием выкупа, одно из них было написано на белой бумаге, второе – на тёмной, какое именно было оставлено на месте преступления, он не помнил. Девочку преступник вынес из дома через окно, засунув в джутовый мешок. Он нёс его за плечами приблизительно 2 или 3 квартала, потом опустил на землю и заглянул внутрь. Оказалось, что похищенная девочка задохнулась, по-видимому из-за того, что находилось в сильно согбенном состоянии и не могла полноценно дышать.

Шериф, слушая этот рассказ, был поражён тем количеством деталей, которые сообщал Ричард Томас, а также тем, как он быстро и логично отвечал на уточняющие вопросы. Казалось, он отлично ориентируется в обстановке, о которой говорил, в частности, он детально описал планировку квартиры Дегнан и предметы мебели, которые ему попались при перемещении из комнаты в комнату. Разумеется, шериф Роач не мог проверить точность этих деталей – он просто не знал обстоятельств расследования полиции Чикаго – но то, как свободно Томас оперировал информацией, произвело на него немалое впечатление.

Вернувшись в свой офис, шериф немедленно связался с Чикаго и рассказал о признании одного из подсудимых.

В Чикаго сообщение из Финикса поначалу восприняли не без скепсиса. Всё-таки Аризона и Иллинойс слишком отдалены друг от друга, при этом казалось несомненным, что похищение маленькой Сюзан осуществил местный житель. Однако полученная информация требовала проверки и по мере того, как сведения о Ричарде Томасе стали поступать из различных служб и ведомств, детективы из группы Уолтера Сторма засомневались.

Прежде всего, выяснилось, что Ричард Томас родился и провёл юность в Чикаго, причём в северном Чикаго! Он хорошо знал город, прекрасно ориентировался на его улицах, имел множество знакомых. Кроме того, Томас являлся дипломированным медбратом, имел доступ к медицинским инструментам и не боялся вида крови, т.е. такому человеку, как он, было много проще расчленив тело ребёнка, нежели подавляющей массе рядовых обывателей. Кстати, женат он был на медсестре – деталь эта хотя и не имеет прямого отношения к нашей истории, но заслуживает быть упомянутой.

В 1934 г. Томас, проживавший тогда в штате Пенсильвания, уже пытался шантажировать миллионера, подбросив тому записку с требованием выкупа. Злоумышленник был разоблачён ФБР и отправился в федеральную тюрьму в городе Льюисбурге (Lewisburg), однако там не задержался и был переведён в психиатрическую лечебницу тюремного типа. Причина – шизофрения. В 1938 г. Томаса выпустили на свободу, как человека, продемонстрировавшего позитивную динамику лечения.

Итак, этот человек уже сочинял и подкидывал по меньшей мере однажды письмо с требованием выкупа! А кроме того, он являлся очевидным педофилом, что до некоторой степени объясняло выбор маленькой девочки в качестве объекта посягательства...

Когда из Чикаго в Финикс прибыли два детектива и попросили Томаса рассказать об автомашине с лестницей, по которой тот проник в окно первого этажа дома №5943 по Кенмор авеню, заключенный рассмеялся им в лицо: «Какая может быть машина, парни, я ведь шизофреник!» Действительно, Томасу, ввиду наличия у него психического заболевания, было запрещено водить автомашину. Таким образом предположение об отсутствии у похитителя Сюзан машины получало прекрасное объяснение! Получила объяснение и другая странность, связанная с преступником, а именно: если он недееспособен, то как ему удаётся отсутствовать дома ночи напролёт, не привлекая внимания близких? В зиму 1945 – 1946 гг. Томас проживал в Чикаго один, жена с детьми находилась в Финиксе, а потому какой-либо контроль за его действиями в нерабочее время отсутствовал.

Детективы из Чикаго попросили Ричарда Томаса предоставить им образец свободного почерка. Тот не стал упрямиться и написал диктант. Сначала правой рукой, а потом левой. Он был переученным левшой и без затруднений писал обеими руками. Сличение полученных образцов с текстом записки, найденной в квартире Дегнан, дал результат довольно необычный. Тот текст, который был написан правой рукой, совершенно не соответствовал записке с требованием выкупа, а вот в тексте, написанном левой, имелись многочисленные детали, позволявшие предположить авторство одного человека в обоих случаях.

Момент этот очень интересен и требует некоторого пояснения. Автор должен сказать, что сам является переученным левшой и умеет писать обеими руками. Причём, следует пони-

мать, что обычно переученный левша может писать как слева направо – подобно тому, как это делает большинство обычных праворуких людей – так и справа налево, при этом получается текст в «зеркальном» отображении. Один из моих «пивных» фокусов, которые следуют в тесной компании в состоянии близком к положению риз, связан как раз с этой темой. Берутся две ручки, два листа бумаги и пишется на обоих одно и то же, скажем, «во глубине сибирских руд сидят два мужика и ждут», визуальнo тексты выглядят совершенно по-разному, один написан слева направо, другой – справа налево. Затем один из листов переворачивается, накладывается на другой и подносится к источнику света.

И на просвет становится видно, что написанное разными руками в «зеркальном» отображении практически совпадает! Совпадают мелочи – техника исполнения отдельных букв, точки входа пера в букву, разбег строки и пр. Момент этот очень интересен и совсем неочевиден – именно поэтому я сейчас и пишу о данных деталях. Выразусь ещё раз и более ясно: свободный почерк переученного левши сохраняет индивидуальные особенности независимо от того, какой рукой – правой или левой – исполнен текст. Почему так происходит, уяснить довольно просто – при письме, как, впрочем, и рисовании, работает мелкая моторика пальцев и кистей рук и у переученного левши она развита почти одинаково для обеих рук.

Именно по этой причине описанный выше случай, когда Ричард Томас предоставил 2 сильно различавшихся варианта свободного почерка, один из которых был выполнен левой рукой, а другой – правой, представляется до некоторой степени необычным. Такого быть не должно... однако, так случилось.

Что это может означать?

Вообще-то, ответов видится, как минимум, два. Первый: Ричард Томас искусно морочил головы детективам и умышленно искажил один из почерков, при этом ни полицейские, ни криминалисты не поняли, что подозреваемый их дурачит. Второй вариант ответа: Ричард Томас был настолько нездоров головою, что это явно проявлялось в виде различий почерков правой и левой рук. Этот вариант ответа может показаться кому-то недостоверным и притянутым за уши, но отвергать его не следует. То, что Томас формально признавался шизофреником, вовсе не означает, что он страдал только шизофренией. В его голове могли бегать очень жирные тараканы и чтобы судить о его истинном состоянии, надо читать историю болезни [которой, увы, у автора нет]. Несомненно лишь, что работа мозга отражается на мелкой моторике рук [полагаю, тезис этот раскрывать не надо].

Кстати, в этом месте автор считает позволительным сделать маленькую историческую ремарку [возможно, кто-то из читателей не знает и ему будет интересно прочесть]. В советское время «детекторы лжи» в следственной практике не использовались, они считались детищем капиталистической лженауки, пародирующим сам процесс юридического доказывания. Который, как мы знаем из основ советского правоведения, является процессом движения от незнания к знанию, обусловленным неукоснительным соблюдением процессуальных норм. Полиграф в эти самые «советские процессуальные нормы» не укладывался никак. Но при этом сами по себе полиграфы в Советском Союзе имелись и использовались некоторыми ведомствами весьма широко для решения некоторых узко специализированных, но очень важных задач. В частности, с помощью «детекторов лжи» проверялась полушарность мышления лиц, которым предстояло решать особо важные задачи. Почему такого рода проверки имели большое значение? Да потому, что рассогласования в работе полушарий мозга могли приводить к серьёзным сбоям в эмоциональной и когнитивной сферах, особенно у лиц, действующих в условиях острой нехватки времени в опасной обстановке. Иначе говоря, с помощью «детекторов лжи» советские психиатры определяли стрессоустойчивость и истинный порог тревожности у лиц, которые были заинтересованы их скрыть.

А что это были за люди и какие ведомства проверяли своих кандидатов подобным образом на стрессоустойчивость читатель, без сомнения, поймёт и без пояснений Ракитина.

Вернёмся, впрочем, к Ричарду Томасу.

Из двух, приведенных выше объяснений странного несовпадения почерков, автору представляется более достоверным первый вариант. Ричард, насколько можно судить по известным сейчас материалам, был человеком экстравагантным и броским. Если угодно, куражливым. После освобождения из тюрьмы в Льюисбурге он подался в Аризону, к любимой супруге и там попробовал себя в качестве певца. Дело это у него неожиданно «выстрелило», мужчина оказался из числа тех, что «жнец, певец и на дуде игрец», сначала он выступал в местном ресторанчике, а потом его пригласили на радиостанцию. Там он теребонькал после полуночи на гитаре, беседовал с ведущим на разные двусмысленные темы и развлекал тех, кому не спалось в ту ночь глухую. Почему Томас не продолжил свою песенную карьеру не совсем понятно, возможно, как-то проявились причуды его шизофренического мышления, но нельзя не признать того, что этот человек мог удивлять и был способен на парадоксальные выходки.

А потому не следует недооценивать затейливость его фантазийного ума. Разумеется, данное рассуждение имеет сугубо предположительный характер и не претендует на непогрешимость...

Совершенно очевидно, что неточность данного Томасом описания смерти Сюзан Дегнан требовала какого-то объяснения. Напомним, что девочка была задушена проволокой [электрическим проводом], след от затягивания которой остался на её шее. Следствие даже считало, что заполучило орудие убийства в свои руки. Сомнений в причине смерти быть не может, поскольку заключение судмедэкспертизы в этой части совершенно однозначно. Томас же ничего не говорил про проволоку, а утверждал, будто девочка случайно задохнулась в мешке из-за того, что находилась в скрюченном положении и не могла дышать. Но в несоответствии слов Томаса заключению судмедэкспертизы нет непримиримого противоречия – и это, кстати, понимали полицейские в 1946 году. Дело в том, что мало кто из преступников способен прямо и честно признать ублюдочность своих действий – ведь это равносильно тому, чтобы назвать самого себя моральным уродом. Для эгоцентриков и откровенных нарциссов, каковыми являются абсолютное большинство сексуальных преступников, подобное признание немыслимо. Чем отвратительнее преступление, тем циничнее и прямолинейнее механизм самооправдания такого рода личностей. Они будут придумывать самые немыслимые объяснения тому, что совершили и почти всегда в произошедшем будет виновата жертва. Обвинение жертвы будет либо прямолинейным и незатейливым, либо завуалированным и опосредованным.

Рассказ про «неудобную позу» девочки в мешке выглядел как раз таким вот завуалированным обвинением в смерти Сюзан самой же Сюзан. Дескать, не он, похититель, её задушил, а она сама скрючилась так, что дышать толком не могла... А он, Ричард Томас, ничего плохого и не хотел, ну, разве что любимой семье денег немного привезти! Он ведь хороший семьянин, детей любит, к жене относится нежно и трепетно...

Детективы вполне разумно полагали, что со временем Томаса удастся подтолкнуть в признание вины в полном, так сказать, формате, без этих дурацких выдумок. Полицейский опыт подсказывает, что преступник, начавший говорить, в конечном итоге скажет всё начистоту, хотя изначально он может настаивать на недостоверной версии событий, такой, которая удобна ему и изображает его в глазах окружающих меньшим уродом, нежели это есть в действительности.

История с признанием Ричарда Томаса в похищении тянулась 2 месяца без огласки. Полиция Чикаго сделала правильные выводы из истории с поспешными обвинениями в адрес Гектора Вербурга и теперь не спешила сообщать общественности о перспективном подозреваемом. Лишь 25 июня 1946 г. в одной из аризонских газет появилась развёрнутая статья, повествовавшая о проводимой работе.



Но до громкой сенсации дело не дошло. По странной игре случая буквально в те же самые июньские дни расследование убийства маленькой Сюзан Дегнан сделало неожиданный кульбит.

История эта, поначалу не предвещавшая никаких драматических переворотов, началась как тривиальная квартирная кража из квартиры некоего Леонарда Пира (Leonard E. Pera) в доме №3941 по Норт-Пайн гроув в Чикаго. Район этот расположен примерно в 3 км. к югу от Эджуотер Глен и упомянутый дом, в отличие от других построек, связанных с данной криминальной историей, сохранился до сих пор.

26 июня в середине дня неизвестный молодой человек проник в квартиру на 8-м этаже через окно, выходившее на пожарную лестницу, и принялся копаться в вещах, не подозревая, что подруга хозяина квартиры находится в ванной. Когда женщина вошла в комнату, то громко закричала и вор бросился наутёк. Он стал спускаться по пожарной лестнице, а женщина последовала за ним, продолжая кричать. Шум услышал дворник, находившийся возле дома, и он сразу же поспешил к пожарной лестнице. Женщина, увидев, что дворник поджидает беглеца внизу, вернулась в квартиру и позвонила в полицию. В полицию, кстати, в ту самую минуту позвонила не только она, но и жилец из дома напротив, наблюдавший за происходившим в окно – звонок именно этого человека будет иметь решающее значение для последующего развития событий.

Итак, дворник перекрыл путь отхода беглеца и был намерен его задержать.



Дом №3941 по Норт-Пайн гроув стоит до сих пор.

Но не тут-то было! Молодой человек, спрыгнув с лестницы, вытащил из-за пояса револьвер и направил его на дворника, давая понять, что применит оружие при попытке приблизиться. Он произнёс угрожающую фразу – она известна в нескольких вариантах, несколько различающихся, но общий смысл сказанного им сводился к тому, что юноша пообещал дворнику, что заставит его страдать, если тот попытается приблизиться. Преступник имел рост 183 см. и был выше немолодого дворника, да и пистолет в руке не обещал успеха. Дворник заробел и, в принципе, поступил правильно, не бросившись на преступника. Молодой человек загнал дворника в подвальное помещение и запер снаружи дверь.

Заблокировав дворника под домом, юноша бежать не стал. Присев на корточки, он спрятался за живой изгородью, окружавшей здание. Очевидно, он прислушивался, стараясь понять, приближается ли полицейский патруль и если да, то с какой стороны. Парень был хитёр и не лишён хладнокровия, но он не знал, что за ним всё это время наблюдает зритель из соседнего дома. А тот, не опуская телефонной трубки, сообщал всё, что видит, дежурному офи-

церу. Последний имел радиосвязь с патрулями, выдвинувшимися к дому №3941 по Норт-Пайн-гроув. Дежурный предупредил патрульных о том, что преступник вооружён и угрожал оружием дворнику; также дежурный сообщил о том, что негодяй прячется позади дома за кустами живой изгороди. Такое вот, понимаешь ли, задержание в формате on-line конференции!

Полицейские, приближаясь к дому, выключили сирену. Один из патрульных двинулся с одной стороны здания, а второй – с другой. Двум патрульным предстояло столкнуться с вооружённым пистолетом дерзким преступником и подобное столкновение было чревато самыми серьёзными неприятностями для обеих сторон.

Молодой человек, увидев патрульного, вышедшего прямо на него из-за угла, навёл на него пистолет и потребовал остановиться. Полицейский, продолжая движение, стал уговаривать преступника не делать глупости и убрать оружие, он пообещал, что не станет обвинять его в сопротивлении аресту, если тот уберёт пистолет. Молодой человек проигнорировал выгодное предложение и повторил угрозу. Патрульный не остановился. Тогда преступник нажал на спусковой крючок – тот щёлкнул и... выстрела не последовало! Патрульный, понимая, что в эти мгновения решается вопрос его жизни и смерти, бросился в атаку. Завязалась рукопашная, во время которой преступник вторично нажал на спусковой крючок... И снова пистолет дал осечку!

Сразу уточним, что молодой человек был быстр и резок, он неплохо боксировал и, забегая несколько вперёд, уточним, что он был членом университетской сборной по вольной борьбе. Он весил 81 кг. и это были сухие мышцы, а не мягкий животик современного диванного победителя on-line чемпионата по игре «Kung Fu Strike». В общем, преступник сцепился с полицейским, а это время из-за угла вышел второй патрульный. Звали его Эбнер Каннигхэм (Abner Cunningham) и его можно без преувеличения назвать героем этой истории. Увидев, что преступник не только не убегает, но вполне успешно бьёт полицейского, Эбнер выхватил из стоявшего рядом кашпо 3 пустых глиняных горшка, надел их на кулак и этим импровизированным кастетом ударил преступника сзади.

Не по-спортивному, конечно, но ведь направлять пистолет на людей – это тоже не по-спортивному, не так ли?

Удар-крюк, нанесённый из-за головы, пришёлся преступнику в нижнюю челюсть справа. Три глиняных горшка – это хорошее утяжеление кулака, они вышибли дух из молодого наглеца сразу и надолго.

Задержанным оказался некий Уильям Джордж Хейренс (William George Heirens), молодой человек, родившийся 15 ноября 1928 г. Он являлся студентом Чикагского университета. На момент задержания Уильяму не исполнилось и 18 лет, юноша явно был из молодых, да ранних!



Уильяму Джорджу Хейренсу на момент задержания 26 июня 1946 г. не исполнилось и 18 лет.

Когда юношу привезли в полицейский участок, он едва держался на ногах и с трудом мог говорить. Полицейские заподозрили, что у задержанного сломана челюсть и имеется черепно-мозговая травма, поэтому было решено вызвать машину "скорой помощи" и отправить Уильяма на обследование в больницу.

Во время пребывания Хейренса в участке, были сделаны несколько фотографий, ставшие впоследствии широко известными.

Чрезвычайная дерзость юного преступника, осмелившегося не только угрожать оружием полицейскому в форме и дворнику, но и схватившегося врукопашную с патрульным офицером, сразу же привлекла к нему особое внимание уголовного розыска. Хейренс отнюдь не казался случайно оступившимся молодым человеком, решившимся на нарушение закона ввиду крайней нужды или неблагоприятного стечения обстоятельств.

Подозрения эти ещё более окрепли после того, как детективы провели обыск в комнате Хейренса в кампусе Чикагского университета.



26 июня 1946 г. Уильям Хейренс в полицейском участке в первые часы после задержания, ещё до отправки на обследование в больницу.

В вещах будущего инженера-электротехника были найдены 3 пистолета, отрезная хирургическая пила, скальпель со съёмными лезвиями, набор для внутривенных инъекций [шприц, иглы различной длины и толщины, жгут, тампоны], 8 фотоаппаратов, значительное количество драгоценностей, преимущественно женских, 2100 долларов в облигациях военного займа. Общая стоимость имущества, найденного при обыске, по прикидкам детективов составила примерно 3150\$. Это была сумма, выходящая за всякие рамки здравого смысла, скромные студент из бедной семьи при всём желании не мог честно заработать деньги, необходимые для покупки всего этого! Да и 8 фотоаппаратов – это избыточно даже для самого увлеченного любителя фотографии! О медицинских инструментах и принадлежностях в этом контексте даже и говорить не нужно...

Имущество, обнаруженное в комнате Хейренса, безусловно, являлось ворованным. И это обстоятельство хорошо объясняло ожесточение, проявленное молодым человеком при задержании. У него явно имелись веские основания бояться полиции!

А раз так, стало быть, полиции следовало повнимательнее присмотреться к этому неординарному во всех отношениях юноше. И никто тогда не мог даже предполагать, сколь удивительные открытия ожидают полицию на этом пути...



Уильям Хейренс в возрасте 4-х лет с младшим братиком Джереми.

Оказалось, что родившийся 15 ноября 1928 г. Уильям Джордж Хейренс привлекал к себе внимание «законников» сызмальства. В возрасте 13 лет его задержали за угрозу оружием – мальчик купил горячий бутерброд у уличного продавца и, показав тому револьвер, с издёвкой поинтересовался, не станет ли тот настаивать на оплате? Револьвер оказался похищен из квартиры, хотя причастность юного Уильяма к этому преступлению доказать не удалось и детективам пришлось удовольствоваться заверением, будто пистолет был найден в канализационном стоке.

Тем не менее, по месту проживания мальчика был проведён полноценный обыск, в результате которого были обнаружены ещё 2 пистолета – один находился в потолочном перекрытии чердака, а второй – за стенкой холодильника. Разумеется, эти пистолеты также оказались случайно найдены Уильямом на улице. Ни у кого из правоохранителей не вызывало сомнений, что мальчик проблемный и с ним надо что-то делать. Всё-таки, направлять заряженное оружие на взрослого мужчину – это как-то слишком борзо для 13-летнего пацана!

Поэтому юный наглец отправился в школу для слишком энергичных подростков под названием «Гибо-скул» («Gibault School») в городке Терре Хот (Terre Haute). Это был интернат для малолетних правонарушителей, в среде которых Уильям влился легко и органично, прекрасно поладив с местными «гопарями». Впрочем, с преподавательским составом Уильям

тоже хорошо поладил, проявив себя с наилучшей стороны. Он продемонстрировал отличную успеваемость и спортивные успехи! Вообще, как бы ни оценивать Хейренса, нельзя не признать его замечательные спортивные задатки, быстрый ум и прекрасную память. Если ему необходимо было очаровать учителей, проблем с этим у него никогда не возникало!

Через полгода Уилльям вышел из «Гибо-скул» закаленным и ещё более уверенным в своих силах, чем ранее. А потому неудивительно, что не прошло и месяца, как подростка прихватили с поличным на краже со взломом.

Теперь закон отреагировал куда строже и Уилльям отправился на 3 года в колонию для несовершеннолетних правонарушителей. Колония эта являлась местом довольно необычным – она называлась Академией Святого Беды (St. Bede's Academy) и управлял ею католический орден бенедиктинцев. Недобровольные посетители сей юдоли скорби жили по канонам католического монастыря: молились, работали, постились и... имели возможность учиться у прекрасных учителей-монахов. Уилльям Хейнерс и здесь проявил свои блестящие интеллектуальные задатки. Нет, его не выпустили досрочно, как это случилось ранее в «Гибо-скул», но дали прекрасную характеристику, благодаря которой перспективный юноша с талантом уголовника без затруднений поступил в Чикагский университет!



Ещё одна фотография Хейренса, сделанная в полицейском участке спустя несколько часов после задержания. Предприимчивый молодой человек имитировал шок, забытьё и неадекватность, но полицейские не очень верили в его игру. Хотя и повезли в больницу, где оставили под неусыпным надзором врачей и охраны.

Пока задержанный лежал в больнице, его «пальчики» проверили по картотеке и – бинго! – выпало первое многообещающее совпадение. Отпечатки пальцев и ладоней молодого мастера ключа и отмычки совпали с отпечатками, найденными в квартире 26-летней Эвелин Питерсон (Evelyn Peterson). Женщина, служившая в вооруженных силах в звании лейтенанта медицинской службы, подверглась нападению 5 октября 1945 г. по возвращении домой в свою чикагскую квартиру.



Полицейские быстро поняли, что Уилльям Хейренс несмотря на свою молодость и внешнее обаяние, является человеком очень опасным и притом с весьма немалым криминальным прошлым. Буквально со следующего после его задержания дня в прессу стала выдаваться информация о связанных с Хейренсом следственных действиях. Из этого можно было заключить, что правоохранительные органы ждут многого от проводимого расследования. В частности, журналистам были представлены ворованные вещи, во множестве найденные в комнате Хейренса на территории университетского кампуса. На этой фотографии запечатлен момент этой необычной презентации.

Неизвестный, копавшийся в вещах Эвелин, при её внезапном появлении, набросился на женщину и нанёс несколько сильных ударов кулаком в голову, после чего бежал. 29 июня, на 3-й день с момента задержания Хейренса, женщина, проходившая в то время службу в Форт-Додж в штате Айова, сообщила журналистам, что не запомнила напавшего и потому отказывается приехать в Чикаго на опознание.

Но отказ Эвелин от опознания мало облегчал положение задержанного, ибо его не опознание отнюдь не отменяло совпадения отпечатков пальцев. А это была очень весомая улика!

В полиции Чикаго быстро поняли, что взяли серьёзного преступника и Хейренс, несмотря на свою молодость, отнюдь не наивный простачок, попавший в сложную жизненную ситуацию.

В ночь на 28 июня в больницу к задержанному была допущена его мать – 40-летняя Маргарет Хейренс (Margaret Heirens). Момент этот очень важен, поскольку впоследствии Уилльям начнёт рассказывать на всех углах о том, что полицейские его якобы истязали 6 суток кряду и никого к нему не пускали – ни маму, и любящего папу! Кстати, папа юного преступника – звали его Джордж (George) – никакого интереса к судьбе засранца не демонстрировал вообще. Наверное он знал о нём нечто такое, что не вызывало отеческой симпатии и беспокойства. Во всяком случае, мы увидим из дальнейшего хода событий, что вся деятельность по защите Уилльяма была вызвана именно материнской активностью, отец же в это дело не лез, хотя летом 1946 г. был жив и здоров.

Нелишне уточнить, что мама не смогла поговорить с сынком с глазу на глаз. Их встреча в ночь на 28 июня проходила в присутствии врачей. Врачи вообще не оставляли Хейренса наедине с кем-либо, в том числе и полицейскими. История Гектора Вербурга, пострадавшего от лишком «энергичных» методов допроса была всем памятна и врачи явно опасались того, что в стенах больницы полицейские устроят нечто подобное.

Кстати, постоянное присутствие в палате больного медперсонала также может служить аргументом против того, что Уилльяма Хейренса на протяжении нескольких суток истязала

полиция. Ни о каких издевательствах или пытках в стенах больницы – и тем более в присутствии врачей! – не могло быть и речи. Кстати, никаких серьёзных телесных повреждений у Хейренса не оказалось, полицейские при задержании ему даже челюсть не сломали, хотя, согласитесь, имели на то полное моральное право!

28 июня Ричард Рассел Томас, тот самый педофил из Финикса, что двумя месяцами ранее был арестован за приставания к собственной дочери, неожиданно отказался от собственных признаний в похищении и убийстве Сюзан Дегнан. Признания его рождали серьёзные вопросы и выглядели не вполне достоверными, но если бы Томас продолжал настаивать на справедливости своего заявления, это могло бы создать определенные трудности для следствия в Чикаго. Теперь же ситуация моментально упростилась: мифоман признал лживость своего рассказа и тем самым позволил игнорировать его в будущем.

В ночь с 28 на 29 июня был проведён первый полноценный допрос Хейренса, точнее, предпринята попытка одного. В больницу прибыл окружной прокурор Туохи (Tuohy) с помощником и не менее 3-х детективов полиции Чикаго. Допрос продолжался до 05:30 утра и никакого явного результата не принёс.

Обвиняемый демонстрировал неадекватность, непонимание происходившего вокруг, отвечал невпопад, либо не отвечал вовсе. Прокурор Туохи заявил поутру газетчикам, что прокуратура ничего не получила («got absolutely nothing»), поскольку задержанный «демонстрировал иррациональность» («leigning irrationality»). А сержант полиции Ханрахан, также пытавшийся задавать вопросы арестованному, заявил, что тот отвечал «бессвязными замечаниями» («rambling remarks»). Сотрудники правоохранительных органов усомнились в тяжести состояния больного, посчитав, что тот симулирует неадекватность, причём делает это не очень хорошо.



Родители Уилльяма Хейренса – Маргарет и Джордж – у постели сына в больнице. Это одна из немногих фотографий, на которой можно видеть отца арестованного. Летом и осенью 1946 г. Маргарет весьма активно защищала сына и в те дни с удовольствием общалась с прессой. Она выходила к журналистам при всяком посещении больницы, полиции, тюрьмы, суда и пр., отец же вообще интереса к судьбе Уилльяма не демонстрировал и навещал его редко. Трудно отделаться от ощущения, что папаша с самого начала понимал, что сынок в чём-то сильно виноват и никаких иллюзий относительно того, что невиновного мальчика оговаривает полиция, не испытывал. Отец явно стыдился сыночка и тяготился своей обязанностью демонстрировать поддержку.

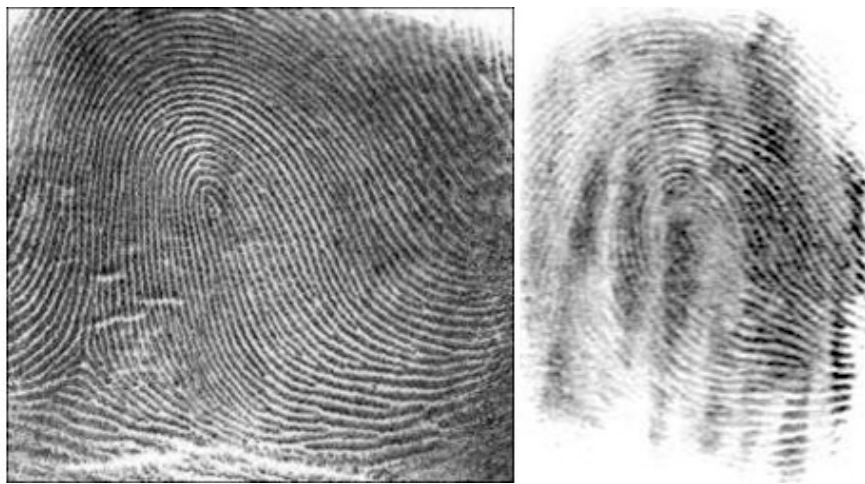
В неадекватности Хейренса усомнились и медики, присутствовавшие в палате. Один из врачей через несколько дней, уже после выписки Уилльяма из больницы, рассказал журналистам, что по его мнению, тот лишь симулировал беспамятство, а на самом деле внимательно следил за обстановкой вокруг и, оставаясь наедине с матерью, пытался с нею общаться, но присутствие медперсонала мешало ему... А мамаша не понимала ужимок сына и подыграть ему не могла. В общем, мальчик перехитрил самого себя!

Днём 29 июня окружная прокуратура распространила заявление для прессы, из которого следовало, что ведомство располагает критически важными уликами, доказывающими связь Уилльяма Хейренса с похищением Сюзан Дегнан. Как следовало из оглашенной информации, обнаружены некие важные следы, доказывающие связь арестованного с запиской, содержащей требование выкупа.

Тут мы сталкиваемся в очень лукавой темой, на которой следует остановиться особо, поскольку в современной литературе, посвященной истории разоблачения Хейренса, о данных деталях либо не сообщается ничего, либо говорится так, что их истинный смысл ускользает.

Речь идёт о двух несвязанных между собой уликах.

Одна из них – это отпечаток пальца, оставленный автором записки с требованием выкупа, частично совпавший с отпечатком пальца Уилльяма Хейренса. В начале этого очерка отмечалось, что на записке имелось множество фрагментированных и частично наложенных отпечатков пальцев, счёт которых шёл на десятки и это не позволяло установить какой же именно из отпечатков связан с автором записки. Теперь же, в конце июня 1946 г., вдруг появилась информация об отпечатке, совпадающем в отпечатком пальца Хейренса. Разумеется, это заявление сразу породило закономерный вопрос: а почему данное совпадение не было выявлено ещё зимой, когда письмо исследовали криминалисты полиции Чикаго и ФБР? Ведь отпечатки Хейренса имелись в базе данных осужденных преступников?



Слева: отпечаток мизинца Уилльяма Хейренса, зафиксированный на его дактокарте в день ареста в июне 1946 г. Справа: отпечаток предположительно того же пальца на листе бумаги с требованием выкупа в 20 тыс.\$ за похищенную Сюзан Дегнан.

Очень быстро, буквально в тот же день 29 июня последовало небольшое разъяснение окружной прокуратуры на сей счёт, которое ситуацию не только не разъяснило, а лишь запутало. Из него следовало, что для юридически корректного использования дактилоскопических следов в качестве улик, необходимо наличие 12 и более совпадающих элементов. Однако в случае Уилльяма Хейренса имеется совпадение 9 элементов папиллярного узора, в связи с чем прокуратура будет особо исследовать вопрос допустимости этого доказательства.

Интересно, да?



Совершенно непонятно, можно ли считать обнаруженное частичное совпадение уликой или же это именно допустимое криминалистической практикой совпадение. Ведь по закону больших чисел в большом городе у разных людей вполне могут встречаться схожие по многим деталям отпечатки пальцев (но при этом не идентичные!).

Другая важная улика оказалась ещё более интересной и в каком-то смысле даже более обескураживающей. Она заключалась в том, что на листе с требованием выкупа был обнаружен вдавленный отпечаток, являвшийся фрагментом некоего слова. Это слово было написано на предыдущем листе блокнота. Отпечаток этот представлял собой написанные слитно буквы «eige». Данный набор букв ничего не означал и никто не понимал частью какого слова он являлся... до тех самых пор, пока полиция не задержала Хейренса! А после его задержания всем сразу стало ясно, что «eige» – это фрагмент фамилии задержанного преступника («Heirens»).

Замечательное открытие, потрясающее совпадение, но есть один маленький нюанс. Прямо как в известном пошлом анекдоте про Чапаева... Дело заключалось в том, что данное буквосочетание обнаружили почему-то не криминалисты полиции или ФБР, а... ни за что не догадываетесь!... журналист Фрэнк Сэн Хеймел (Frank San Hamel).

Кто он такой, сказать сложно. Вроде бы криминальный фотокорреспондент, но о каких преступлениях и что именно он написал или сфотографировал выяснить не удалось. Ещё о нём известно то, что в 1949 г. [то есть спустя 3 года после описываемых событий] он вместе с супругой поучаствовал в рекламе печенья.

Итак, согласно официальной версии событий, Сэну Хеймелу, фотокорреспонденту газеты «Daily News», его друзья из полиции разрешили поглядеть на подлинник записки с требованием выкупа. Журналист взял в руки листок, покрутил его и так и эдак и... в косых лучах света настольной лампы он увидел вдавленные в бумагу буквы. Стал рассматривать их под лупой и прочёл таинственные буквы «eige». И вот таким именно образом следствие обогатилось ценнейшей уликой!



Фотография из газеты 1949 года: Фрэнк Сэн Хеймел вместе с женой в рекламируют печенье. Почему криминальный фотокор занимается таким непотребным делом понять невозможно...

Давайте называть вещи своими именами – перед нами смешной рассказ, глупый и совершенно недостоверный. Чтобы кто-то из причастных к расследованию лиц, дал в руки какому-то совершенно «левому» журналисту ценнейшую улику и на этой улике этот самый журналист вдруг увидел нечто такое, чего не заметили криминалисты двух различных ведомств...

говорить, конечно, можно что угодно, но поверить в такое ни один здравомыслящий человек не сможет! Между тем, окружной прокурор Туохи именно такую историю рассказал журналистам вечером 29 июня.

Совершенно ясно, что это враньё, **главная загвоздка заключается в том, что именно это враньё было призвано скрыть.** Автор полагает, что знает ответ, хотя, разумеется, доказать правоту спустя более 70 лет совершенно невозможно.

Итак, пойдём с самого начала. В январе 1946 г. никаких вдавленных отпечатков букв «eige» на листе с требованием выкупа не существовало. Криминалисты полиции Чикаго и ФБР разумеется изучили этот вешдок всеми мыслимыми приёмами и способами. И уж точно они догадались рассмотреть его в косых лучах! И ничего не увидели. Что легко объяснимо – никаких вдавленных отпечатков на этом листе бумаги тогда не существовало.

Но 26 июня в руки чикагской полиции попал резкий и дерзкий Уилльям Хейренс, парень из разряда отвязных сорвиголов, не побоявшийся вступить в драку с полицейским в форме, направить на него револьвер и даже дважды нажать на спусковой крючок. До этого Хейренс по крайней мере однажды избил женщину, оказавшуюся в квартире, которую он решил обворовать. Мог такой человек задушить 6-летнюю девочку, чтобы она его не опознала?

Однозначно, мог! Хейренс отлично подходил на роль убийцы и расчленителя Сюзан Дегнан – он был молод, силен, быстр, он совершал кражи в северном Чикаго, дерзко влезал в чужие квартиры, не заботясь о том, находятся ли там люди, легко решался на грубое насилие в отношении женщин [впрочем, полицейского в форме он тоже не испугался!], в его вещах, найденных в кампусе, хранились хирургические инструменты... Давайте посмотрим на ситуацию глазами детективов и признаем – парень отлично подходил по всем статьям! Но как его связать с похищением и убийством Сюзан Дегнан? Можно ли что-то придумать такое, чтобы комар носа не подточил?

Конечно, можно! Можно сделать – точнее, подделать – вдавленную надпись с буквами, являющимися фрагментом фамилии подозреваемого. Вопрос в том лишь заключается, как после этого «обнаружить» важную улику? Новое криминалистическое исследование заказывать нельзя, ибо сразу возникнет обоснованный вопрос: а что не так с предыдущим?

И вот появляется довольно корявое объяснение: мы, дескать, показали записку журналисту и он – какой молодец! – разглядел необыкновенно важное для нас свидетельство причастности к убийству недавно задержанного преступника! Вах, бывают же чудеса даже в Америке...

Ещё раз повторю, доказать подобную фабрикацию сейчас невозможно, но интуитивно автор уверен, что высказанное предположение не очень-то далеко от истины. Хотя, разумеется, верить или не верить в подобные фокусы американских «следаков» – выбор сугубо читательских симпатий. Гораздо интереснее то, является ли сфабрикованным отпечаток пальца Хейренса на листе бумаги с требованием выкупа?

И ответ на этот вопрос совсем неочевиден, из разряда тех, что обозначаются словосочетанием «fifty – fifty». В принципе, палец, наверное мог присутствовать на листе бумаги ещё в январе, но тогда рождается вопрос, а почему же полиция и ФБР утверждали, будто пригодных для идентификации отпечатков пальцев на письме нет? Скрывать это глупо, поскольку преступник, во-первых, всё равно не будет знать, об отпечатке какого именно пальца идёт речь, а во-вторых, в любом случае палец он себе себе не отрежет.

Но есть одно важное «но». Хотя отпечаток пальца Хейренса довольно хорош, он всё же совпадает с «эталонным» не по 12 позициям, а по 9. В принципе, это тоже очень неплохо. Капитан полиции Чикаго Эммет Эванс (Emmet Evans), возглавлявший в 1946 г. Бюро идентификации и имевший к тому времени 41-летний стаж полицейской работы, заявил 29 июня журналистам, что «убежден, два отпечатка оставлены одним мужчиной» (дословно: «I am convinced that the two prints were made by the same man.»). Тем самым он подкрепил уверенность в том, что данная улика обладает необходимой для суда доказательной силой. Но если улика действи-

тельно вполне хороша и весома, то уместно спросить: а почему данное частичное совпадение с отпечатком мизинца Уилльяма Хейренса не было выявлено ещё в январе? Зачем вообще заниматься вознёй с отпечатками пальцев и ладоней, если такие частичные совпадения пропускаются экспертами и не передаются в Бюро идентификации для поиска соответствия в базах данных? Ответ, очевидно, может быть одним из двух: либо схалтурили эксперты, либо... отпечатка не было вообще!

Но могли ли схалтурить эксперты двух ведомств – полиции и ФБР – осведомленные о том, что работают с уликой, связанной с сенсационным делом, о котором говорят и пишут по всей стране?

Автор не навязывает читателю свою точку зрения, тот вправе сделать любой вывод. Почему-то я уверен, что наши украинские небратья посчитают иначе, нежели жители России, ну в этом деле, как говорится, вольному воля, свой ум в чужую голову не вложишь!

Но если отпечатка пальца Хейренса в январе 1946 г. на письме не существовало, то откуда же он там взялся в конце июня? Уилльям лежал в одиночной палате под охраной полиции, с него не сводил глаз медперсонал, к нему приходили сотрудники правоохранительных органов и даже проводили подле него много часов (вспоминаем про допрос продолжительностью более 5 часов!). Могли они воспользоваться моментом и прижать палец Уилльяма к листу бумаги? Ответ автору неизвестен, каждый вправе решить как ему заблагорассудится, но если рассуждать сугубо практически, то ничего сложного в подобной манипуляции нет. И проделать это незаметно для врачей, думаю, можно было без особых затруднений.

Заканчивая разговор об этих 2-х появившихся из ниоткуда уликах, добавим, что прокурор Туохи говорил о них весьма уклончиво и неопределенно. Трудно отделаться от ощущения, что он оставлял за собой возможность быстро отыграть назад и при необходимости дезавуировать собственные же слова. 30 июня, говоря об отпечатке пальца, частично совпавшем с отпечатком пальца Хейренса, Туохи выразился следующим образом: «Я ещё не получил доказательств, достаточных для признания виновности сверх разумных сомнений» (дословно на языке оригинала: «I have not yet deduced sufficient evidence to prove him guilty beyond all reasonable doubt»). Нормально выразился, да? Фразу можно выкрутить в любую сторону по желанию...

После 4-дневного лечения в больнице Уилльяма Хейренса перевели в тюрьму «Брайдвелл» («Bridewell»). Условия содержания были там довольно тяжелы – общее число заключенных достигало 2400 человек, что вдвое превышало расчётную вместимость. Вместе с арестованными на период следствия в тюрьме находились лица, уже осужденные судом – их попросту некуда было переводить ввиду перегруженности тюрем Иллинойса. Уилльям поначалу пытался придуриваться – якобы не узнавал родителей, адвоката, не понимал обращенных к нему вопросов и т. п. Вылечили его очень быстро – пару раз он остался без еды, якобы не поняв поданного сигнала идти в столовую, и никто из персонала не выразил по этому поводу ни малейшей обеспокоенности. Не хочешь идти в столовую – ну не ходи, кому ты нужен! Молодой человек понял, что если продолжать придуриваться подобным образом, то можно умереть с голоду и всем будет на это глубоко наплевать.

В общем, буквально на следующий день, проголодавшись, он стал понимать обращенные к нему реплики и адекватно реагировать на происходящее вокруг. Как видим, тюремная педагогика оказалась вполне целительной, стоило арестанту пропустить пару приёмов пищи и процесс понимания законов окружающего мира быстро наладился, коммуникативные связи моментально восстановились и для достижения этого воистину удивительного эффекта пациента даже бить не пришлось!



Интерьер тюрьмы «Брайдвелл». Во второй половине 1940-х гг. это было весьма мрачное учреждение, переполненное узниками сверх всякой меры. Помимо лиц, находившихся под следствием, в тюрьме содержались также уголовники, получившие срока до 5 лет лишения свободы.

Здесь, конечно же, может возникнуть уместный вопрос: а как пыталась защищать Уилльяма любящая мама? Имелась ли какая-то стратегия у защиты вообще?

Сразу же после задержания Уилльяма, его мама Маргарет наняла адвоката Джона Коглана (John Coghlan), а чуть позже к нему присоединился Поланд Тоули (Poland Towle). Эта парочка защитников предложила, в общем-то, вполне разумную линию поведения. Они заявили, что не следует требовать освобождения Уилльяма, выискивая формальные поводы для этого, лучше посмотреть на то, что обвинение в конечном итоге сможет инкриминировать молодому человеку и чем будет свои обвинения доказывать. И уже после этого добиваться освобождения под залог.

Сложно сказать, насколько разумно было такое поведение, думается, Коглан и соотарищи понимали логику окружной прокуратуры и действовали оптимальным образом. Во всяком случае, на протяжении первых недель с момента ареста, адвокаты постоянно повторяли журналистам, что мама Уилльяма и они сами в принципе не рассматривают варианты освобождения под залог.

Очевидно с целью подготовки почвы для последующей аргументации защиты, Маргарет Хейренс в начале июля 1946 г. рассказала журналистам о том, что Уилльям в возрасте 8 месяцев упал с детского стульчика и кувырком покатился по цементным ступеням. Никаких выводов мамочка из своего рассказа не сделала, предложив слушателям самим догадываться какие же чудовищные изменения в психике могла вызвать сия детская травма.

Полиция деятельно изучала прошлое арестованного юноши и пыталась выяснить происхождение всех вещей, найденных в его комнате в кампусе. Начались удивительные открытия. Выяснилось, в частности, что несколько изящных фарфоровых безделушек были похищены из дома, находившегося по соседству с домом Дегнан, и произошло это буквально за несколько дней до убийства Сюзан! Безделушки хотя и являлись предметами не уникальными, были всё же очень редки – это были сувениры, привезенные из Германии и в США таких вещей было днём с огнём не сыскать! Обворованный хозяин квартиры узнал свои вещи, а это означало лишь то, что в январе 1946 г. Уилльям Хейренс занимался квартирными кражами в непосредственной близости от дома, в котором проживала похищенная и убитая впоследствии девочка!



Хейренс со своим адвокатом Джоном Когланом (John Coghlan) в тюрьме «Брайдвелл».

Дальше – больше. Сопоставив найденные и явно ворованные вещи со списками предметов, похищенных в Чикаго в 1945 – 1946 гг., детективы связали Хейренса сначала с 10, потом с 19, а к середине июля – уже с 24 кражами! Согласитесь, молодой человек оказался исключительно результативным вором, он совершал успешное вторжение в чужую квартиру примерно раз в 7—10 дней, а ведь можно было не сомневаться в том, что полиция владела лишь частью статистики и многие преступления просто-напросто оставались правоохранительным органам неизвестны.



Июль 1946 г.: Уилльям Хейренс в тюрьме «Брайдвелл».

12 июля 1946 г. было проведено официальное опознание Уилльяма Хейренса той самой Эвелин Питерсон, что ранее отказывалась принимать в нём участие. Честно говоря, доказательную силу сего действия преувеличивать не следует – к этому времени фотографии Хейренса уже были широко растиражированы и потерпевшая могла «вспомнить» нападавшего на неё человека, попросту подсмотрев его внешность в газете. Здравый смысл подсказывает, что проводить опознание человека после того, как его увидел опознающий, не следует.

В случае Эвелин Питерсон опознание вообще являлось до некоторой степени избыточным действием, поскольку присутствие Хейренса на месте преступления доказывалось обнаружением отпечатка его пальца. Опознание либо не опознание обвиняемого потерпевшей никак не опровергало наличие столь серьёзной улики [отпечатка пальца]. Тем не менее, опознание было проведено и Эвелин уверенно подтвердила, что именно Хейренс обворовал её квартиру и нанёс ей телесные повреждения. Разумеется, этому сложно поверить, ведь ранее Эвелин уже заявляла, что совершенно не помнит нападавшего... Ну да ладно!

Следует сделать необходимое уточнение об *alibi* Хейренса на 7 января 1946 г. – т.е. тот день, ранним утром которого была похищена Сюзан Дегнан. Это был рабочий день, понедельник, и занятия в университете начинались тогда в 8 часов утра. Согласно отметкам в журнале посещаемости, Хейренса не было в аудиториях ни в 8 часов, ни в 9, но он появился на лекции в 10 часов утра. Трактовать эту информацию можно было по-разному, в принципе, даже если бы молодой человек появился на первой лекции, сие никак не означало бы невозможность совершения им убийства 5-ю часами ранее.

Преподавательский состав и соученики Уилльяма по Чикагскому университету рассказывали о нём довольно интересные вещи. Хотя сразу следует оговориться, что все его знакомые по учёбе указывали на замкнутость Уилльяма и его общение с некими лицами, никак не связанными с университетом.



Молодой человек являлся членом сборной университета по классической борьбе, посещал тренировки дважды в неделю. Также он занимался в университетском танцевальном клубе.



Слева: Уильям Хейренс на опознании 12 июля 1946 г. Справа: Фотография из газеты с кратким рассказом об имевшем место следственном действии и подозрениях в возможной причастности Хейренса к убийству Сюзан Дегнан, высказанных представителем полиции. Обратите внимание на пару любопытных моментов – стоящие по обе стороны от Хейренса люди имеют на головах шляпы и Уильям прикован к одному из них наручниками. По нынешним представлениям о процедуре опознания, такое следственное действие с большой вероятностью было бы признано недействительным, поскольку наличие признака, резко отличающего опознаваемого от статистов, может служить ориентирующим свидетеля признаком. Проще говоря, приковывая опознаваемого наручниками, полицейские могут неявно указывать на него свидетелю. Из той же серии ориентирующих признаков – отсутствие на голове шляпы в то время, когда у других она есть.

Успевал хорошо, все отмечали его прекрасную память и способность повторять близко к тексту большие куски прочитанного однажды текста. Преподаватели отмечали неожиданную для американца начитанность – Хейренс отлично знал классическую литературу, в т.ч. и лирику – и что особенно удивительно, увлекался философией. Согласитесь, неожиданный для квартирного вора список увлечений! Тут мы в явном виде наблюдаем влияние монахов-бенедиктинцев, чему-то Уильям у них всё же научился. Хотя урок и не пошёл впрок...

16 июля полиция Чикаго распространила официальный релиз, из которого следовало, что Уильям Хейренс обвиняется в 24 эпизодах краж из жилищ и 5 эпизодах нападений. Словосочетание «подозревается в убийстве» в заявлении отсутствовало, хотя к тому времени уже все по умолчанию предполагали, что окружная прокуратура связывает Хейренса с похищением Сюзан Дегнан. Деталей, впрочем, никаких сообщено не было и оставалось непонятным о каких именно 5 нападениях говорят представители полиции.

В тот же самый день журналистам удалось получить интервью у Уордена Фрэнка Сэйна (Warden Frank Sain), сотрудника конвойной службы тюрьмы «Брайдвелл». Сэйн работал непосредственно с Уильямом Хейренсом и мог рассказать о его привычках и поведении. По словам офицера конвоя, Хейренс никогда не признавался в тюрьме в совершении каких-либо убийств. Также Сэйн заявил, что Уильям не давал никаких признательных показаний, поскольку если бы таковые действительно прозвучали, то тюремная охрана соответствующим обра-

зом была бы проинформирована и проинструктирована об изменении режима содержания. За минувшие 2 недели, по словам Сэйна, ничего подобного не происходило.

Наконец, 23 июля адвокат Хейренса Поланд Тоули (Poland Towle) обратился в суд с просьбой рассмотреть вопрос о возможном освобождении подзащитного под залог. Чтобы продемонстрировать раскаяние арестованного и его готовность к сотрудничеству, адвокат заявил, что Уилльям готов дать признательные показания в произвольной письменной форме. При этом адвокат поспешил уточнить, что он рекомендовал бы пока этого не делать и провести ещё кое-какие консультации, но в принципе у его подзащитного есть готовность признать свою вину. Речь адвоката была очень интересной, но слишком общей, из неё невозможно было понять, в чём же именно готов сознаваться и каяться Уилльям Хейренс.

По-видимому, защита посчитала целесообразным прощупать позицию окружной прокуратуры и посмотреть, по скольким же пунктам та решится выдвинуть обвинения. Ответ оказался обескураживающим: представитель прокуратуры заявил судье, что Уилльям Хейренс обвиняется по меньшей мере по 29 пунктам, среди которых – 3 убийства, и по мнению прокуратуры залог по каждому пункту не может быть меньше 10 тыс.\$ . То есть общая величина залога должна была составлять сумму 290 тыс.\$ или больше. Судья осведомился, готова ли защита предоставить необходимый залог? Поскольку названная сумма в ценах того времени выглядела совершенно невообразимой – речь шла примерно о 4,5 млн.\$ в современном эквиваленте – защита, разумеется, лишь развела руками. Ну, а коли так... то будет сидеть!

События в суде 23 июля – это, пожалуй, первое официальное свидетельство того, что Уилльям Хейренс всерьёз проверялся на причастность к убийствам. До этого в газетах появлялись заметки, в которых высказывали предположения о возможной виновности Хейренса в тех или иных преступлениях, в т.ч. и в похищении Сюзан Дегнан, но все рассуждения на эту тему носили характер домыслов. Теперь же окружная прокуратура прямо заявила о проверке возможной причастности Хейренса к нескольким убийствам – и это уже были не общие рассуждения, а свидетельство всерьёз проводимой работы.

После этого всем стало ясно, что история Уилльяма Хейренса с большой вероятностью получит сенсационное продолжение.





Допрос Уилльяма Хейренса с использованием «детектора лжи».

Далее в расследовании последовала пауза. Некоторое время правоохранные органы давали очень скудную информацию о продвижении следствия, защита говорила что-то о приемлемой форме признательных показаний и т.п. – в общем, ничего в происшедшем понять не представлялось возможным. Появлялись сообщения о том, что Хейренс признаётся в каких-то убийствах, совершенных во время квартирных краж, но всё это без каких-либо деталей и без комментариев со стороны правоохранительных органов.

Слухи эти получили подтверждение 30 июля 1946 г. В тот день Уилльям Хейренс был доставлен в суд, где официально заявил судье о том, что добивается сделки с правосудием и в знак готовности сотрудничать со следствием добровольно признаётся в убийстве Сюзан Дегнан. Тогда же Хейренс сообщил судье, что готов признаться ещё в 2-х убийствах, но его остановил адвокат, который попросил у судьи 2 недели для обсуждения и подготовки его защитного к этим признаниям. Судья, разумеется, эти 2 недели обвиняемому предоставил. Заседание длилось ровно 1 минуту, его участники рассаживались и вставали больше времени, нежели говорили. Очевидно, что все эти заявления не являлись экспромтом, а были заранее согласованы как с самим судьёй, так и окружным прокурором.

Уилльяма Хейренса на пути от тротуара до зала заседаний поджидала огромная толпа, состоявшая преимущественно из молоденьких девушек и женщин. Они воспринимали преступника как эстрадную звезду, человека «из газеты». Перед нами интересный феномен деформации массового сознания, чисто американское явление. Американскому обывателю всё

равно было перед кем испытывать благоговение – перед певцом Фрэнком Синатрой или убийцей девочки Уилльямом Хейренсом – главное, чтобы человек был знаменит, смазлив и чтобы о нём писали в газетах! Отвратительное, конечно же, явление, яркий пример массового отупения – но, увы! – американская криминальная история пестрит такого рода случаями. Даже не хочется их перечислять, думаю, читатели «Загадочных преступлений прошлого», не задумываясь, накидают с десятков подобных примеров... Хейренс же, увидав такой интерес к собственной персоне, моментально пришёл в хорошее настроение и стал прямо-таки лучезарен. Все его последующие поездки в суд сопровождались женским аншлагом, если так можно выразиться.

Сам Хейренс от подобного интереса к собственной персоне буквально расцветал, он улыбался, стрелял глазками, складывал брови "домиком" и вообще играл с аудиторией, как мог. Он поручил адвокатам приобрести парочку новых костюмов, в которых появлялся на публике на протяжении последующих полутора месяцев.

В начале августа в чикагской прессе появилась информация о том, что некий Элмер О'Брайен (Elmer O'Brien) арестован по обвинению в убийстве 51-летнего Эдварда Флинна (Edward Flynn). История привлекла к себе всеобщий интерес тем, что Элмер О'Брайен являлся хорошим другом Уилльяма Хейренса – молодые люди познакомились в "Гибо скул" и поддерживали дружеские отношения после того, как покинули стены этого исправительного заведения. Элмер в составе группы из 4 юношей – тех, что молодые да ранние – вечером 30 июля повздорил с Флинном в баре. Дождавшись, когда мужчина выйдет из питейного заведения, шакалята набросились на него и попытались побить. Когда стало ясно, что справиться со взрослым мужчиной не так просто, как это показывают в кино про гангстеров, Элмер О'Брайен вытащил револьвер и выпустил в спину Флинна 5 пуль.

Отвратительное во всех смыслах преступление – нападение группой, расстрел со спины – до некоторой степени характеризовало и Хейренса, ведь убийцей оказался его дружок. Пословица "скажи мне, кто твой друг, и я скажу кто ты" родилась отнюдь не на пустом месте и в данном случае, вспомнить её было бы куда как уместно!

Но настоящая феерия началась несколько позже! 9 августа стало известно, что полиция Чикаго проводит следственные эксперименты с участием Уилльяма Хейренса. Под конвоем детективов в штатском Хейренс перемещается по городу и показывает места совершения преступлений, при этом все его слова и действия надлежащим образом протоколируются и обвиняемый явно сотрудничает со следствием.



Фотографии из американских газет середины августа 1946 г. со статьями, посвященными следственным экспериментам на улицах города с участием Хейренса. На фотографии слева: Хейренс показывает как поднимался по пожарной лестнице отеля «Crest hotel» в Чикаго для

совершения кражи через окно. В центре: Хейренс показывает, как покидал квартиру Дегнан в ночь на 7 января 1946 г.

Разумеется, журналисты стали пристраиваться в хвост полицейской колонне, в составе которой двигался по городу автомобиль с Хейренсом внутри, благодаря чему на протяжении нескольких дней газетчики кормили обывателей рассказами о том, что им удалось увидеть и услышать. Народ читал и понимал, что лёд тронулся и Хейренс «колется», да так, что заткнуть фонтан его красноречия удастся нескоро.

Чуть позже, в конце августа, стало известно, что Хейренс даёт признательные показания по большому числу преступлений в рамках достигнутой с окружной прокуратурой сделки. Прокуратура обязалась не требовать для Хейренса смертной казни за те преступления, в совершении которых обвиняемый сознается. Соответственно, в том случае, если вскроется причастность Хейренса к какому-либо преступлению, о котором он умолчал, последует отмена сделки и сделанные им признания будут использованы против него. Подобные условия были призваны мотивировать арестованного рассказать о своём криминальном прошлом с максимальной полнотой и безо всякой утайки.

Окончательная версия признательных показаний Хейренса представляла собой подшивку из более чем 400 листов.

Буквально в последний день августа 1946 г. в книгах, переданных Хейренсу, была найдена «закладка». История оказалась довольно любопытной. Маргарет Хейренс передала сыну 4 книги, которые тот просил почитать. Одна из них, с говорящим названием «Сокровищница американского фольклора» («The Treasury of American Folklore») привлекла внимание упоминавшегося выше конвоира Уордена Сэйна (Warden Frank Sain). Тот вполне разумно усомнился в том, что песни в стиле «кантри» могли действительно заинтересовать человека, признавшегося в убийстве малолетней девочки. Тщательно осмотрев книгу и распотрошив её обложку, Сэйн обнаружил спрятанное в ней лезвие опасной бритвы. Окружной шериф Майкл Малкахи (Michael Mulcahy), в ведении которого относилась тюрьма «Брайдвелл», сделал официальное заявление, в котором сказал, что не сомневается в осведомленности обвиняемого в наличии лезвия внутри книги.

Как оно туда попало выяснить так и не удалось. Сложно было поверить в то, что опасное вложение сделала мать Уилльяма, поскольку опасная бритва могла быть использована в качестве орудия самоубийства и вряд ли мать не понимала этого. Маргарет утверждала, будто не могла отыскать эту книгу в продаже и ей помогла в поисках некая девушка. Последнюю найти так и не удалось, возможно, её и не существовало и мать умышленно солгала, не желая подставлять друга сына.

4 сентября Уилльям было доставлен в городской суд, где в присутствии адвокатов, родителей, сотрудников окружной прокуратуры и полиции Чикаго подтвердил добровольность и полноту сделанных признаний. Процесс этот выглядел следующим образом: судебный секретарь читал выдержку из «стэйтмента» [нотариально заверенного заявления обвиняемого], посвященную конкретному эпизоду, после чего судья спрашивал, признаёт ли Хейренс свою вину в данном преступлении? Уилльям отвечал односложно либо «Признаю!», либо «Виню», подтверждая тем самым справедливость прочитанного фрагмента признательных показаний.

Процедура эта растянулась более чем на 4 часа! Однако сразу следует пояснить, что на самом деле признания Хейренса были намного обширнее того, что прозвучало в суде 4 сентября. Всего он признался в более чем 100 (!) квартирных кражах и магнитофонная запись его признаний растянулась более чем на 14 часов. Его признания были умышленно сокращены более чем в 3 раза и ограничили только теми эпизодами, которые подтверждались вещественными уликами.

В суде же Хейренс сознался в 24 кражах, а также 5 нападениях, из которых 3 закончились убийством. Речь шла в т.ч. и о похищении и убийстве Сюзан Дегнан.

Когда секретарь стал зачитывать признательные показания Хейренса по этому преступлению, судья Гарольд Уорд (Harold G. Ward) остановил клерка и обратился к арестованному с довольно примечательной речью. Он начал с того, что ещё раз напомнил ему о конституционных правах и в т.ч. праве на защиту в суде, особо указав на независимость суда от органов следствия. Далее судья сообщил Хейренсу, что сознание в убийстве и расчленении девочки обрекает того на суровый приговор, который может быть любым, но не менее 14 лет лишения свободы. Уточнив, понимает ли Хейренс тяжесть своего положения, и получив удовлетворительный ответ, судья ещё раз поинтересовался, действительно ли тот хочет, чтобы его признательные показания, данные окружному прокурору, прозвучали в суде и были приняты судьёй во внимание? Хейренс повторил, что сознаёт тяжесть своего положения и по-прежнему желает информировать суд об этом преступлении. После этого судья предложил секретарю зачитать признание Уилльяма Хейренса, связанное с этим преступлением.

Момент этот очень интересен и, возможно, требует некоторого пояснения. Судья Уорд, родившийся в сентябре 1889 г., на момент описываемых событий был уже не просто судебским чиновником, но и вполне крупным региональным политиком. Он происходил из зажиточного и влиятельного в штате Иллинойс семейства, избирался в парламент штата от Демократической партии и на излёте "сухого закона" даже являлся руководителем т.н. "ликёрной комиссии" штата. В силу понятных причин должность была чрезвычайно коррумпированной. Уорд был в числе инициативной группы парламентариев разных штатов, пытавшихся оказать давление на Президента страны с целью не допустить отмены "сухого закона". Они провели пафосный съезд, где много говорили об американских ценностях и религии, настаивали на том, что народ спаивать нельзя, но... по странному стечению обстоятельств все сторонники "сухого закона" очень хорошо на нём зарабатывали. Разумеется, это было чистой воды совпадением, но никак не использованием должностного положения в целях обогащения!

Впоследствии Уорд отказался от парламентской работы и подался на судебскую ниву. Это, кстати, типично американский манёвр – уважаемые люди уходят из политики в судьи, потом из судей вновь возвращаются в политику, и такое броуновское движение может повторяться несколько раз. Во время своей продолжительной судебской работы Гарольд Уорд рассматривал несколько очень "токсичных" и одновременно сенсационных дел. Так, например, в 1951 г., т.е. спустя почти 5 лет после описываемых событий, он затеял судебное преследование сенатора штата Иллинойс Уилльяма Коннорса (William J. Connors), который получил через 5 благотворительных фондов 5 чеков по 500\$. Все переводы были сделаны голливудским артистом Робертом Монтгомери (Robert Montgomery). Налицо была явно коррупционная схема – Коннорсу дали взятку, причём проделали это так, чтобы сенатора невозможно было обвинить в сокрытии доходов.

История получилась довольно шумной, поскольку все её участники были широко известны. Уорд пригрозил киноактёру штрафом в 1 млн.\$, но закончилось всё очень милым междусобойчиком, как мы сейчас бы сказали "межпартийным договорнячком". Никто никого не оштрафовал, дело закрыли, как не имеющее судебной перспективы, а Роберт Монтгомери в 1954 г. стал советником Президента США Эйзенхауэра "по имиджу".

Живешь себе, живёшь и знать не знаешь, что президенту американской страны можно, оказывается, давать «советы по имиджу».

Уорд был назначен на слушания по сделке Хейренса с правосудием штата по причине своего юридического опыта и политического веса. Поскольку власти штата помнили эпичный провал полиции при обвинении Гектора Вербурга, существовала угроза повторения чего-то подобного в случае с Хейренсом. Напомним, что сознавшийся в убийствах молодой человек был совсем молод – ему ещё не исполнилось 18 лет! – он был избит при задержании, находился

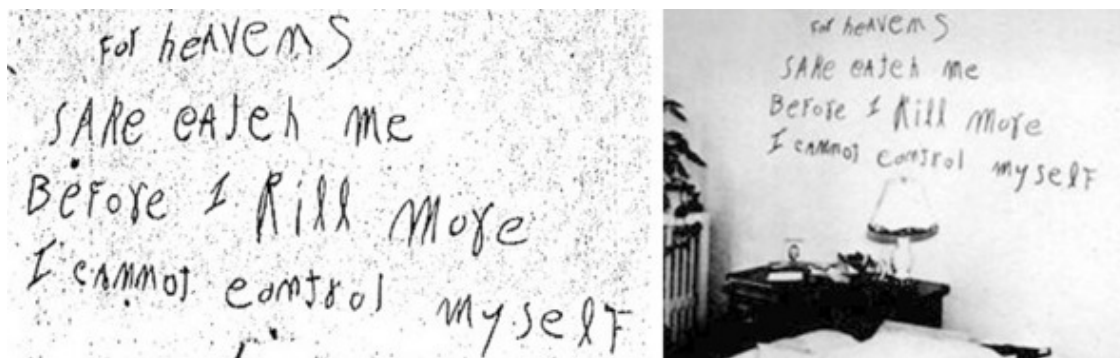
в больнице... В общем, со стороны как самого Хейренса, так и его защиты можно было ожидать самых необычных фокусов.

Уильям Хейренс, рассказывая об убийстве Сюзан Дегнан, заявил, что случившееся явилось следствием цепи случайных обстоятельств, к которым он оказался не готов. Он не знал, что в квартире Дегнан двое детей. Обнаружив спящей старшую из дочерей, он тихонько перешёл в другую комнату и принялся копаться там в вещах, пока не разбудил маленькую Сюзан. Её присутствие в комнате явилось для него полнейшей неожиданностью и, опасаясь того, что девочка станет шуметь, злоумышленник набросил ей на шею провод, который быстро затянул с максимальной силой. По его словам, всё произошло стремительно и словно бы само собой. Девочка была убита прямо в собственной кровати и Хейренс выносил через окно уже мёртвое тело. Он отрицал факт похищения и настаивал на том, что записка с требованием выкупа, подброшенная им в квартиру Дегнан спустя около полутора часов с момента убийства Сюзан, являлась мистификацией, призванной сбить с толку родителей девочки и полицию.

Помимо этого убийства, Уильям Хейренс сознался в двух других. 5 июня 1945 г. он убил 43-летнюю Джозефину Росс (Josephine Ross). Согласно его заявлению, он проник в квартиру Росс, не подозревая, что та находится дома. Появившаяся из уборной женщина застала вора врасплох, по словам Хейренса, с его стороны имела место чистая самооборона – Джозефина схватила его за волосы и стала бить головой о стену. Не зная как отбиться от яростного натиска, Хейренс выхватил нож и нанёс женщине два удара, оказавшихся смертельными. Факт ожесточенной борьбы подтверждался тем, что в ладонях убитой были найдены короткие чёрные волосы.

Следующее убийство произошло через 6 месяцев. Утром 10 декабря 1945 г., около 08:45, уборщица обнаружила приоткрытую дверь в апартаменты, в которых проживала 33-летняя Френсис Браун. Из комнаты доносился необычно громкий звук работающего радиоприёмника, что выглядело подозрительно. Войдя внутрь помещения, уборщица заглянула в ванную комнату и увидела обнаженный женский труп, предплечья которого оказались иссечены ударами ножа. Эти ранения были получены потерпевшей во время ожесточенной борьбы с нападавшим. Кроме того, большой разрез был виден на шее женщины. Орудие, использованное преступником – большой кухонный нож с длиной лезвия 10 дюймов (~25 см.) – впоследствии оказалось найдено на полу ванной, под трупом, видимо, преступник выронил его ещё в то время, когда женщина стояла на ногах. Место преступления было залито кровью, однако не ножевые ранения послужили причиной смерти Френсис Браун. Как стало ясно по результатам судебно-медицинского вскрытия, женщина погибла от двух огнестрельных ранений. В неё выстрелили с близкого расстояния, пули попали в перикард и сердце, не оставив шанса на спасение. Стреляных гильз на месте преступления найдено не было, из чего можно было сделать вывод, что убийца либо стрелял из револьвера, либо не забыл отыскать и подобрать гильзы.

На стене преступник оставил надпись, выполненную красной губной помадой. Она гласила: "Небу. Поймайте меня, прежде чем я убью снова. Я не могу контролировать себя." (на языке оригинала: "For heavens sake catch me before I kill more I cannot control myself"). Таинственный преступник получил прозвище "Убийца с губной помадой".



Надпись на стене, оставленная убийцей в апартаментах Френсис Браун.

Никаких сексуальных манипуляций с телом жертвы – как прижизненных, так и посмертных – судмедэкспертиза не выявила, по-видимому, убитая женщина оказалась раздета потому, что принимала ванну. Об этом косвенно свидетельствовали её мокрые волосы. В декабре 1945 г. детективы пришли к выводу, что причиной преступления оказалось появление женщины, вышедшей из ванной комнаты, в момент, когда преступник проник в апартаменты. Злоумышленник запаниковал, сначала попытался отбиться от хозяйки апартаментов с ножом в руках, но увидев, что не справляется, пустил в ход огнестрельное оружие.

Полиция считала, что убийство Браун совершил некий худощавый мужчина 35—40 лет, которого видел ночной портье выходящим из лифта. Имелся свидетель, вроде бы слышавший звук выстрела в 4 часа утра. Его показания противоречили заявлению портье, утверждавшего, будто Браун вернулась до полуночи.

Признания Хейренса прояснили это дело. Френсис Браун действительно вернулась около полуночи и примерно в то же время она была убита, информация свидетеля, якобы слышавшего звук выстрела в 4 часа утра действительности не соответствовала.

Что последовало далее?

6 сентября Хейренс был снова доставлен в здание суда, где судья Уорд предложил ему сказать последнее слово до того, как приговор будет оглашён. Очевидно, судья ждал каких-то слов раскаяния или хотя бы какой-то человеческой реакции от того, кто задушил и разрезал на части 6-летнюю девочку, а затем разбросал фрагменты её тела по канализационным колодцам. Уильям поднялся со своего места и, подумав, тихим голосом произнёс: «Я хочу выразить в этом суде своё глубочайшее сожаление по поводу того, что я натворил» (дословно: «I want to express to the court my deepest sorrow for what I have done»). Судья молчал, давая возможность подсудимому что-то прибавить к сказанному, но, видя, что фонтан красноречия иссяк, предложил ему сесть и принялся зачитывать приговор. Согласно решению судьи Уорда, детоубийца Уильям Хейренс осуждался на 3 пожизненных срока за убийства 3 человек и плюс к этому – ещё на 61 год по совокупности за все остальные преступления.

Для родителей случившееся явилось шоком, хотя они, наверное, были давно уже готовы к подобному исходу. После окончания заседания все его участники вышли в коридор, где мать Уильяма ещё пыталась сквозь рыдания о чём-то разговаривать с журналистами, отец же только прятал от людей заплаканные глаза.

Зато Уильям Хейренс прямо-таки расцвёл. Тот день явился его жизненным апогеем, вернее, он так думал.





Mrs. George Heirens, mother of the young slayer, is comforted by her husband after hearing her son sentenced.

Родители Уилльяма Хейренса – Маргарет и Джордж – в здании суда после осуждения их сына на пожизненное заключение в тюрьме.

Ему было разрешено пообщаться с журналистами после вынесения приговора – это было неофициальное условие, на выполнении которого настаивал он сам и его адвокаты. Обвинители уступили, решив, видимо, что ежели мальчик хочет порисоваться перед публикой – пусть рисуется, лучше себе он не сделает!

Хейренс, облаченный в чистый костюм, подстриженный и пахнувший одеколоном, упивался собою и заливался перед журналистами соловьём. В частности, он им сказал: «Я считаю, что мои юристы поступил правильно, признав меня виновным. Я понимаю, что для общества лучше, когда я заперт в камере. Но я человек и я хотел бы быть свободным» (Дословно: «I believe that my lawyers did right to plead me guilty. I realize that it is best for society that I am locked up. but I'm human and I would like to be free.»). Вот такой поток сознания и демагогии полился из уст Уилльяма Хейренса в уши всех, кто был готов его слушать.



Немного подонок, немного убийца, а в остальном – молод, красив и талантлив... вах! На этой фотографии Уильям Хейренс чем-то неуловимо напоминает Свирида Голохвостова в исполнении Олега Борисова, героя кинофильма «За двумя зайцами». Или автору это только показалось?

Наверное, Уильям всерьёз думал, что его словоизвержения будут кому-то действительно интересны. Но это Америка, страна, в которой погоня за сенсацией поставлена во главу угла работы средств массовой информации. Вчерашние новости, подобно прошлогоднему снегу, никому не нужны, а бывшие знаменитости никому неинтересны.

О Хейренсе и его деяниях Америка позабыла моментально. Краткий всплеск интереса последовал лишь в конце 1946 г., когда историю убийства Сюзан Дегнан и последующее разоблачение Хейренса многие американские масс-медиа поставили в ряд важнейших событий ушедшего года. Это может показаться удивительным, но Нюрнбергский трибунал и атомные испытания в Тихом океане американские средства массовой информации признали равными по своей важности криминальной истории, разыгравшейся в Чикаго и описанной в этом очерке.

Как бы там ни было, о Хейренсе после 1946 г. позабыли. И это оказалось самым страшным для него испытанием. Проходили годы, десятилетия, сменялись президенты, а Хейренс оставался заживо погребён в застенке. И никому он уже не был интересен – вот это было самое страшное! «Полковнику никто не пишет»...

Резкий и борзый на свободе, Хейренс в тюрьме моментально присмирел и сидел очень тихо, как мышь под веником. И то сказать – одно дело показывать свою крутизну перед женщинами и девочками, имея в кармане пистолет или нож, и совсем другое – в тюрьме, полной сумасшедших моральных уродов и членов этнических банд. Хейренс умудрился просидеть, не отсвечивая, много десятилетий и со временем его перевели в в тюрьму с самым мягким режимом содержания в Иллинойсе, находящуюся в городе Диксон.

5 марта 2012 г. Уильям Хейренс оставил этот лучший из миров, сделав его если не гармоничнее, то уж точно чище! В застенке он провёл почти 65 лет и по праву входит в сотню узников, находившихся в условиях лишения свободы наибольший срок в истории правосудия.



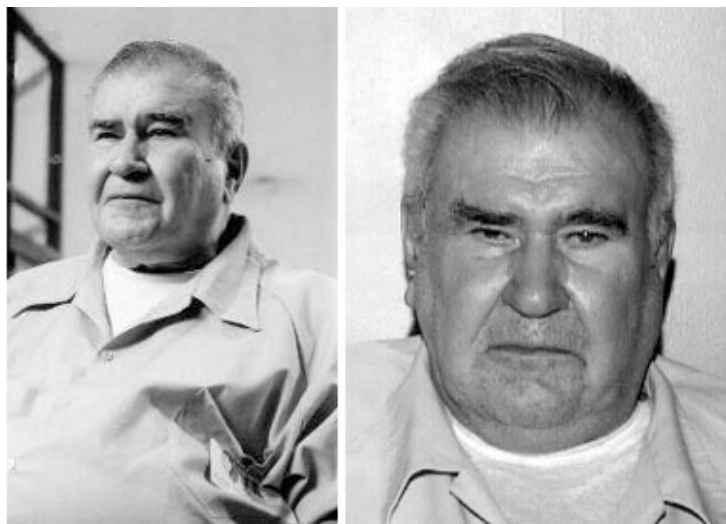


В 1946 г. Уильям Хейренс пребывал в уверенности, что его главная задача – остаться в живых. И лишь оставшись в живых, он всерьёз задумался над тем, что же именно он выиграл... И выиграл ли вообще?

Начиная с 1970 г., т.е. того времени, когда он пробыл в тюрьме четверть века, Хейренс стал делать заявления, призванные дезавуировать сделку с правосудием, заключенную в сентябре 1946 г. Понятно, чем он руководствовался – рассчитывал под любым предлогом отменить приговор судьи Уорда и выйти на свободу.

Чем больше проходило времени с момента заключения под стражу, тем увереннее и энергичнее становилась риторика Хейренса. Сначала, пока были живы участники событий 1946 г., он аккуратно говорил о неких «незаконных» формах ведения следствия, о том, что ему при задержании не были разъяснены его права, его не поставили в известность о наличии у него адвоката, нанятого к тому времени матерью и т. п.

Но по мере того, как проходили годы и свидетели и участники событий умирали, болтовня Уильяма делалась всё более категоричной, непримиримой и лживой. Он стал рассказывать о том, что его пытали на протяжении 6 суток после задержания, а когда журналисты напоминали ему, что он, вообще-то, находился в те дни в больнице, Хейренс начинал уверять, что его пытали прямо в больнице! Он клялся, что к нему – несовершеннолетнему подростку! – не пускали любимую маму, хотя мы знаем, что это не так и мать посетила его в больнице ещё до первого официального допроса, о чём сама же и сообщила газетчикам. Когда в 1990-е гг. появились и стали быстро развиваться технологии молекулярно-генетического анализа биологических следов, Хейренс стал требовать назначения экспертизы улик, уверяя, что «его» следов на уликах не окажется.



Шли годы, Хейренс старел, но всё смелее и энергичнее требовал справедливости.

Сейчас в Америке есть люди, считающие Уильяма Хейренса жертвой системы и человеком, невинно пострадавшим за чужие грехи. Убийство Сюзан Дегнан особо глубоко погруженные в тему «конспирологи» на голубом глазу пытаются связать с убийством Элизабет Шорт<sup>4</sup>. Аргументация этой публики довольно невнятна и предельно примитивна: руки Сюзан Дегнан, отрезанные преступником при расчленении трупа, были найдены неподалёку от авеню Голливуд в Чикаго. А Элизабет Шорт проживала в Лос-Анджелесе, как раз там, где находятся Голливудские холмы. Что из этого следует, я лично не понимаю, но американские любители тайн видят в появлении слова Голливуд некий глубокий смысл.

Другой довод связан с тем, что по мнению судмедэксперта расчленение тела Сюзан Дегнан произвёл опытный в этом деле человек, а труп Элизабет Шорт также резал опытный расчленитель. Аргумент, скажем прямо, весьма невнятный, поскольку градации «опытный», «очень опытный», «малоопытный» и «совсем неопытный» весьма условны и субъективны, а потому нам сейчас очень сложно судить о том, одинаков ли был опыт убийцы в обоих случаях. И даже если оба преступления совершены убийцами, близкими по степени владения хирургическим инструментом, из чего следует, что это один и тот же человек, а не два разных?

Автор не склоняет читателя к какому-либо однозначному выводу, полагая, что думающий человек сам в состоянии разобраться в этой истории и в вопросе виновности или невиновности Уильяма Хейренса придёт к некоему внутреннему убеждению самостоятельно. **Автор видит свою истинную задачу в том, чтобы рассказать историю и сделать это по возможности точно и интересно.** А далее этические представления читателя, его совесть и жизненный опыт помогут ему сделать нужные выводы.

Напомню лишь напоследок, что Уильям Хейренс сознался более чем в 100 преступлениях (!), сделал это самостоятельно, без подсказок, поскольку о подавляющем числе его похождений полиция даже не подозревала. В этом отношении он очень похож на австралийского серийного убийцу Эрика Эдгара Кука, очерк о котором под названием «Бог шельму метит» можно найти на авторском сайте [впрочем, очерк можно и не искать, если вы любите слушать аудиокниги, то аудиоверсию очерка можно прослушать в исполнении замечательного и самобытного чтеца Сергея Фокина из сообщества «Книги и выпивка». Простейший поиск в интернете в 2 клика приведёт вас на страницу этого сообщества в VK]. Разница между Хейренсом и Куком заключается в том лишь, что первый являлся симпатичным обаяшкой, а второй –

---

<sup>4</sup> Этой криминальной драме посвящен очерк Алексея Ракитина «Голливудская история», размещенный в открытом доступе на авторском сайте «Загадочные преступления прошлого». Вот его интернет-адрес: [http://murders.ru/Hol\\_story\\_1.html](http://murders.ru/Hol_story_1.html)

явным дегенератом, слегка под рихтованным пластическим хирургом. А в остальном эти люди очень похожи, даже разница в обучаемости и интеллекте, которая бросается в глаза при первичном анализе, является кажущейся. У Кука, напомним, IQ был стабильно выше 110, он по факту был весьма неглуп, хотя и выбрал себе по жизни роль эдакого тупейного простачка.

Так что Хейренс, безусловно, был очень опасен и то, что его поймали совсем молодым – большое счастье. Если бы ему повезло больше, он бы оперился, «стал на крыло», набрался бы криминального опыта [да и психологически повзрослел бы и оформился] и превратился бы в очень ловкого и исключительно опасного преступника. Получив высшее образование, в совершенстве владея навыками социальной мимики, владея искусством располагать к себе людей, Хейренс мог бы стать очень сложной мишенью и сумел бы многие-многие-многие годы вести двойную жизнь, вообще не навлекая на себя подозрений. Задумайтесь на секундочку – в 1946 г. у него не было автомашины и он бродил по улицам Чикаго пешком. Но не поймали бы его тогда и купил бы он через год, скажем, автомобиль и моментально зона его активности выросла бы в десятки или даже сотни раз! Ибо площадь круга, если кто забыл, прямо пропорциональна квадрату радиуса – радиус области перемещения увеличивается в десять раз (допустим, с 1,5 км. до 15 км.), а площадь активности – в 100. Одна только эта мелочь существенно усложнила бы разоблачение преступника. Тут, собственно, мы опять вспоминаем упомянутого выше Кука, безнаказанно куролесившего на угоняемых автомашинах в пригородах Перта на протяжении многих лет.

Так что, убрали его с улиц – и правильно сделали. Такому, как Хейренс, самое место на пожизненном!

**И краткое авторское послесловие:** Вы обратили внимание на оставленную Хейренсом надпись губной помадой на стене? Ничего не напоминает?

Фельдшер 5-й подстанции «скорой помощи» г. Санкт-Петербурга Максим Петров, убивший в период 1993 – 2000 гг. 11 пожилых женщин, повторил этот фокус, оставив на зеркале на месте одного из преступлений надпись «остановите меня». Разумеется, он не хотел, чтобы его остановили, этот трюк он проделал в расчёте запутать следствие, полагая, что так он создаст видимость действий сумасшедшего. Петров читал о Хейренсе и умышленно повторил фокус с губной помадой. Кстати, запутать следствие этой наивной выходкой Петров не смог, никто в версию «убийца – сумасшедший» не поверил и искать убийцу среди психически больных людей не бросился. Следователи хорошо представляли, кого им следует искать и потому «взяли» преступника по-настоящему академично, рассчитав время и места его возможных появлений и надлежащим образом организовав 40 засад, в одну из которых Петров и угодил.

Впрочем, как говорит ведущий одной из популярных телепрограмм на криминальную тему – это совсем другая история.

## 1913 год. Убийство на карандашной фабрике

Телефонный звонок, послуживший началом этой истории, раздался в штаб-квартире Департамента полиции города Атланты, штат Джорджия, около 3 часов ночи 27 апреля 1913 года. Во всяком случае полицейский Уильям Андерсон (Anderson W. F.), снявший трубку, считал, что позвонили именно в указанное время. Сержант Доббс (L. S. Dobbs), находившийся неподалёку, называл немного иное время – 03:25 – и это, пожалуй, единственное серьёзное расхождение в описании тех событий, сохраненное для потомков историей. В остальных рассказы участников всего, последовавшего далее, между собой очень схожи.

Итак, несколько позже 3 часов ночи с 26 на 27 апреля, дежурному офицеру Департамента полиции позвонил мужчина, сообщивший, что в здании Национальной карандашной компании (National Pencil Company или NPCo) на Саут-Форсайт-стрит (South Forsyth street) найден труп белой женщины. Звонивший назвался ночным сторожем и уточнил, что обнаружил труп во время обхода.

Национальная карандашная компания, являвшаяся крупным работодателем и налогоплательщиком, была в городе хорошо известна, а её главное производственное здание, растянувшееся на целый квартал и имевшее ввиду своей длины аж даже четыре номера – №№37—41 – невозможно было не заметить всякому, бывавшему в районе Саут-Форсайт-стрит.

Уильям Андерсон моментально понял о чём идёт речь и сообщил дежурной смене о поступившем вызове. В автомашину, которую вёл полицейский Бутс Роджерс (Boots Rogers) уехали Уильям Андерсон и сержанты Доббс и Браун (Browne). Буквально через 5—7 минут все они оказались у нужного им адреса.

Входная дверь длинного мрачного здания оказалась заперта, но едва полицейские подали голос, окно 2-го этажа отворилось и появившийся в нём чернокожий мужчина сказал, что сейчас спустится. Действительно, через минуту тот же самый мужчина отворил дверь и впустил 3-х полицейских [Бутс Роджерс остался за рулём]. Отворивший дверь чернокожий мужчина сообщил, что его зовут Ньют Ли (Newt Lee) и это он звонил по поводу женского трупа.

Мужчина провёл полицейских через тёмный холл, завернул за лифт, затем по узкой крутой лестнице, похожей на корабельный трап, спустился в подвал и двинулся по нему. Поскольку освещение отсутствовало, полицейские светили электрическим фонарём, а сторож нёс обычный керосиновый фонарь, сильно коптивший и дававший мало света. Идти по тёмному подвалу пришлось довольно далеко, приблизительно 150 футов (~45 метров), причём процессия прошла отнюдь не весь подвал. Здание было весьма велико – длина 67 метров, ширина – 24,3, высота потолков – 4,2 метра – соответственно, примерно таковым являлся и подвал под ним. Из соображений пожаробезопасности он был разделён в длину глухой стеной, которая делила его на 2 отсека, не связанных между собою; для того, чтобы пройти из одной части подвала в другую, требовалось либо выйти на улицу, либо подняться на 1-й этаж здания. Впрочем, об архитектурных деталях подвала и здания в целом чуть ниже будет сказано особо.

Пройдя от лестницы около 40—45 метров, сторож указал полицейским на человеческое тело, лежавшее в одном из отсеков на горке из мусора и опилок. Всего таких отсеков [помещений без дверей] в подвале было 3, труп находился в центральном. Во многих источниках можно найти указание на то, будто труп был брошен непосредственно возле клозета, находившегося в комнате через проход, и в этом кто-то даже усматривал особый цинизм преступника, но данное суждение не вполне верно. Труп находился именно внутри среднего отсека на удалении 6,3 метров от двери в уборную и даже не напротив неё. Для того, чтобы подойти к телу, надлежало сделать пол-оборота направо, то есть повернуться на 45 градусов. Эти детали имеют некоторое значение и потому на них сейчас сделан акцент.

Войдя в отсек через проём, полицейские увидели труп женщины в платье, открытые части тела были сильно загрязнены пылью, так что расовую принадлежность определить было не так-то и просто. На то, что тело принадлежит белой женщине, указывал, пожалуй, лишь светлый цвет волос.

Тело лежало на левом боку лицом вниз, руки скрещены на животе. Андерсон аккуратно перевернул труп на спину и, вырвав из полицейского блокнота лист бумаги, протёр им лицо – только после этого стало ясно, что женщина действительно является белой. Не полагаясь на этот результат, сержант Доббс приподнял подол платья выше колен – обнажившиеся ноги также были белыми.

После того, как тело перевернули на спину, стал виден обрывок верёвки, туго затянутый вокруг шеи и вдавившийся в кожу. Лицо женщины было изувечено и казалось распухшим. Впоследствии сержант Доббс описал увиденное следующими словами: «Её лицо было проколото, полно дыр, распухло и почернело. У неё имелся порез на левой стороне головы, словно от удара, и там имелось немного крови».<sup>5</sup> Язык был высунут, как это иногда можно видеть в случаях удушения петлёй.

Следует сразу уточнить, что фотографирование трупа не проводилось ни на месте его обнаружения, ни в в морге. В интернете можно встретить фотографии, якобы изображающие тело, но их подлинность весьма сомнительна по целому ряду причин. Дело в том, что в США на протяжении долго времени – примерно до начала 1930-х гг. – фотографирование трупов на местах их обнаружения считалось недопустимым ввиду аморальности и неуважения к умершим. В России и Европе уже повсюду практиковалось криминалистическое фотографирование, разрабатывались специальные приспособления для закрепления камер и производства фото-съёмки в местах неудобных и труднодоступных, а американцы не занимались подобным в силу неких идейных соображений. Кроме того, фотографирование в начале XX столетия производилось на стеклянные фотопластины с серебряной эмульсией и фотографии, напечатанные с них, имеют высокое качество, специфичны и легко узнаваемы. Те снимки, что можно увидеть в интернете, совершенно на них не похожи и более всего напоминают грубо ретушированные в «photoshop» -е фотографии поздних лет.

Поэтому мы вынуждены опираться на словесные описания, тем более, что по данному делу таковых в нашем распоряжении имеется немало и они в целом позволяют составить довольно полное представление о предмете повествования.

Чтобы определить, насколько высохла кровь, сержант провёл пальцами по волосам мёртвой женщины и понял, что волосы немного влажны, т.е. кровь заметно подсохла. Скорость высыхания пролитой крови имеет большое прикладное значение и судебные медики ещё в XIX столетии приложили немало сил для того, чтобы вывести некие удобные эмпирические зависимости. Наблюдения показали, что жидкая кровь долгое время может оставаться подвижной и сохраняет способность пачкать, то есть переноситься на другой предмет при касании. Вообще же скорость её высыхания сильно зависит от температуры окружающей среды и наличия движения воздуха [сквозняка]. Никакого общего правила, связывающего состояние человеческой крови от времени её истечения из раны, вывести так и не удалось. В целом же судебная медицина определяет интервал времени, в течение которого человеческая кровь сохраняет способность переноситься на другой предмет при контакте, равным приблизительно 12-и часам с момента истечения из раны.

То, что кровь в волосах трупа не высохла полностью, свидетельствовало о том, что время кровотечения отделено от времени осмотра менее чем полусутками.

---

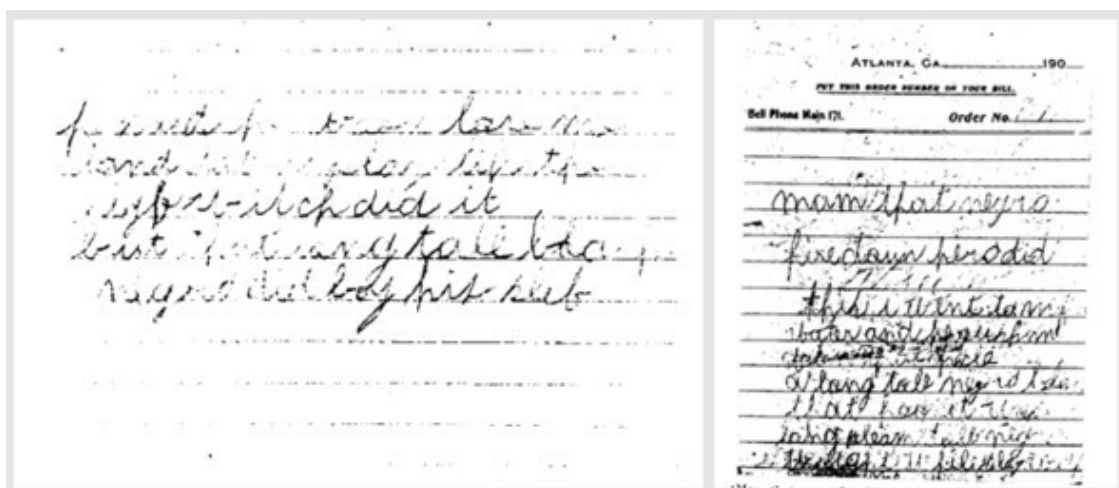
<sup>5</sup> На языке оригинала: «Her face was punctured, full of holes and was swollen and blackю She had a cut on the left side of her head as if she had been struck and there was a little blood there».

Осмотрев окружающую обстановку – пол подвала и мусор вокруг тела – полицейские поняли, что следов крови там нет. Это наводило на мысль о посмертном перемещении трупа, другими словами, место обнаружения убитой женщины не являлось местом нападения на неё. Продолжая осматривать помещение, в котором находилось тело, полицейские обнаружили сначала блокнот, а затем 2 записки. Последние не бросались в глаза и были присыпаны опилками, поэтому были замечены спустя около 10 минут после начала осмотра [следует помнить, что полицейские располагали всего 1 электрическим фонарём, а чернокожий сторож со своим фонарём стоял поодаль и в осмотре участия не принимал]. Расстояние между записками составляло 6—8 дюймов (15—20 см.).

Одна записка была исполнена на белой бумаге, другая – на жёлтой [это был стандартный бланк платёжной квитанции, которую могли заполнить где угодно – в магазине, транспортной компании и т.п.]. Тексты были написаны не литературным английским языком, а специфическим местным диалектом, поэтому прямой перевод с современным словарём не будет корректным. Содержание записки на белой бумаге можно перевести на русский язык примерно так: «Он сказал, что будет любить меня, улёгся поиграть, как это проделала ночная ведьма, но тот длинный высокий черный негр сделал это сам»<sup>6</sup>. Записка на жёлтой квитанции гласила: «Мамочка, этот кочегар здесь внизу изнасиловал меня, когда я пошла за водой, он толкнул меня в шахту лифта, а длинный высокий негр, чёрный, изнасиловал меня. Я жива, пока они насилуют меня»<sup>7</sup>.

В те самые минуты, когда были найдены записки, произошёл довольно любопытный обмен репликами, который достоин упоминания. Сержант Доббс, обнаруживший первую записку, направил на её луч света фонаря и медленно прочёл написанный на клочке бумаги текст. В полной тишине, повисшей после прочтения, полицейские слышали голос Ньюта Ли, стоявшего, как было сказано выше, несколько поодаль. Чернокожий сторож, явно слышавший только что прочитанную фразу, мрачно произнёс что-то вроде: «Значит, всё свалят на чернокожего сторожа».

Момент оказался очень примечателен – никто из полицейских ещё и не подумал ничего плохого о Ньюте Ли, а тот уже заволновался! Потребовалось несколько секунд, чтобы полицейские сообразили – текст записки содержит прямое упоминание «высокого чёрного негра», а Ньют Ли действительно был худ, высок ростом и имел угольно-чёрную кожу.



<sup>6</sup> Дословно на языке оригинала: «He said be would love me, laid down play like the night witch did it but that long tall black negro did boy his self».

<sup>7</sup> Дословно: «Mam that negro fire down here did this when i went to make water and he push me down a hole a long tall negro black that did (had) it. i right while play with me».

Так выглядели записки, найденные в куче опилок под головой трупа в подвале карандашной фабрики. Представленные здесь изображения являются ксерокопиями чёрно-белых фотографий, напечатанных в книге, а затем вновь воспроизведенных в книге – то есть перед нами результат многократного весьма некачественного копирования, что объясняет невысокое качество получившихся картинок. Слева можно видеть письмо на белой бумаге, справа – на жёлтой.

Полицейские поняли, что допустили ошибку, прочитав текст найденной записки вслух, поэтому вторую записку, найденную вскоре после первой, они прочли молча.

В том же отсеке, где лежал труп, на удалении около 3 метров от тела был найден окровавленный шейный платок.

Осматривая подвал, полицейские сделали ряд немаловажных открытий. Прежде всего они установили, что большая 2-створчатая дверь из подвала на улицу стоит открытой. Расстояние между сворками составляло 18 дюймов (~45 см.) и в него без особых затруднений мог протиснуться взрослый мужчина. На двери когда-то были установлены замок и массивная накидная скоба для навесного замка, однако сейчас они оказались сняты и лежали неподалёку, поэтому теперь дверь запиралась лишь засовом. Засов не был погнут, что могло означать только одно – его сначала отодвинули и только после этого открыли дверь. Состояние засова исключало открытие двери снаружи, стало быть, дверь осталась открытой после выхода из подвала.

Полицейские уточнили у Ньюта Ли, кто и когда снимал с двери замок и накидную скобу, на что сторож ответил, будто не знает этого. По его словам, он работал на фабрике только 3 недели и в эту часть подвала зашёл впервые.

Прямо напротив того места, где лежало тело убитой, имелась лестница на 2-й этаж, закрытая люком. Осмотрев её, полицейские пришли к выводу, что люк давно не открывали – на это указывала густая паутина и пыль.

Полицейские обратили внимание на хорошо заметный на пыльном полу след волочения тела. Идя вдоль него, они обнаружили на куче мусора возле большого бойлера дамскую шляпку и слиперы [лёгкие женские туфли]. Шляпка выглядела заметно поврежденной – с неё была сорвана шёлковая лента и бутоньерка, обычно крепившаяся к ленте [либо какое-то иное украшение]. Продолжая движение по следу волочения, полицейские обогнули лестницу, по которой ранее спустились в подвал, и подошли к лифу. След волочения начинался прямо от его двери.

На дне прямоугольной шахты лифа, полицейские увидели гору человеческих фекалий и дамский зонтик.

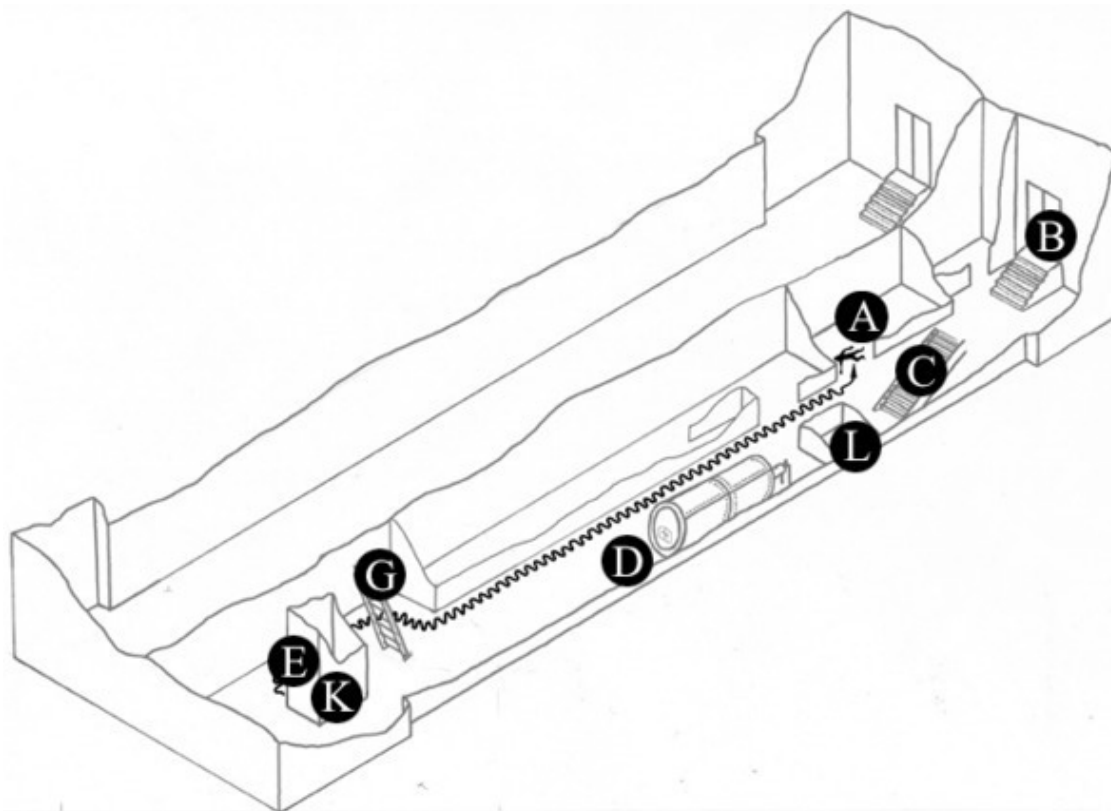


Схема подвала под зданием NPCo. Условные обозначения: А – труп, найденный в центральном отсеке, В – выход на улицу (створки раскрыты, образуя щель 45 см.), С – лестница на 1-й этаж, закрытая давно не открывавшимся люком, D – место обнаружения шляпки и обуви перед бойлером, Е – дверь лифта, К – место обнаружения женского зонтика и фекалий на дне шахты лифта; G – узкая лестница, по которой полицейские спустились в подвал в сопровождении ночного сторожа; L – уборная, находясь в дверях которой Ньют Ли увидел тело в проёме одного из отсеков. Расстояния: АВ – 12,5 м.; AD – 17,1 м.; AE – 40,8 м.

Чуть позже в тот же день расстояния между местами нахождения упомянутых здесь объектов были тщательно промерены. Наглядное представление об их взаимном расположении можно получить, посмотрев на схему подвала и приняв во внимание, что расстояние от трупа до двери на улицу равнялось 12,5 м., от трупа до двери в клозет – 6,3 м., до места обнаружения слиперов и шляпки 17,1 м., до двери лифта – 40,8 метра.

Узкая лестница, по которой полицейские попали в подвал, исключала возможность спуститься с трупом на руках. Принимая во внимание наличие следа волочения от шахты лифта, самым вероятным путём доставки трупа к месту его сокрытия представлялся спуск на лифте. Лифт, однако, оказался в нерабочем состоянии.

Полицейские спросили у Ньюта Ли, как можно запустить лифт, на что чернокожий сторож ответил, что не знает этого, поскольку за работу лифта отвечает "специальный человек" и он – Ньют Ли – никогда лифтом не пользовался.

Что надлежало предпринять далее? Во-первых, необходимо было идентифицировать труп – без этого полноценное расследование было бы крайне затруднено. Во-вторых, следовало установить место совершения преступления, для чего нужно было провести полноценный осмотр здания. Однако так просто бродить по этажам полицейские не могли, поскольку здесь находились большие материальные ценности. На первом этаже располагался большой магазин канцтоваров и продукции фирмы "National Pencil Company", а на втором – дирекция и кабинет управляющего Лео Франка. И там, и там находились сейфы с наличными деньгами и разного



рода ценностями. Помимо ордера на обыск необходимо было обеспечить присутствие персонала, готового ответить на неизбежные вопросы, и располагающего ключами от всех дверей.

Оставив возле трупа пост, дежурный полицейский Уилльям Андерсон возвратился в здание Департамента полиции, откуда позвонил в офис окружного коронера Донахью и сообщил об обнаружении женского тела со следами насильственной смерти в подвале карандашной фабрики. Ведомство коронера принимало на себя проведение судебно-медицинской экспертизы и проводило предварительное расследование с целью выявления причин возбуждения уголовного расследования. Также ведомство коронера занималось организацией доставки тел умерших и убитых в морги.

После этого Андерсон попросил телефонистку центрального телефонного узла соединить его с домом управляющего карандашной фабрикой Лео Макса Франка. Впоследствии полицейский утверждал, что звонок этот имел место приблизительно в 3:30 ночи на воскресенье 27 апреля. Но в самом начале очерка мы не случайно сделали акцент на том, что время поступления телефонного звонка об обнаружении трупа разными полицейскими определялось по-разному – Андерсон считал, что Ньют Ли позвонил в 3 часа ночи, а сержант Доббс говорил о 03:25. Понятно, что если Доббс прав, то Андерсон никак не успевал съездить на фабрику, осмотреть там подвал, вернуться обратно, позвонить коронеру, а потом в 03:30 позвонить на домашний телефон Лео Франка. Поэтому либо прав был Андерсон, утверждая, будто ночной сторож сообщил об убийстве в 3 часа ночи и тогда он через полчаса звонил домой Франку, либо упомянутый звонок имел место не в 03:30, а гораздо позже.

Почему это важно и почему на этом сейчас сделан акцент?

Да потому, что никто в доме Франка телефонную трубку не поднял. Это выглядело довольно странно, поскольку управляющий карандашной фабрикой проживал в одном доме с женою, её родителями и одной из старших сестёр жены. Сложно представить, чтобы в ночь с субботы на воскресенье 5-х взрослых людей одновременно не оказалось дома. Хотя... у богатых свои привычки, они могли уехать на какое-то мероприятие, скажем, игру в карты и там подзадержаться. Могло быть так?

Не теряя времени, полицейский позвонил двум почтенным джентльменам – Айзеку Хаасу (Isaak Haas) и Зигмунду Монтагу (Sigmund Montag). Первый являлся совладельцем NPSO, а второй – её казначеем. После переговоров с ними Андерсон ещё раз попросил телефонистку соединить его с домом Франка. Этот звонок имел место уже после 4 часов утра. Трубку снова никто не поднял. Оператор центрального телефонного узла Атланты сообщила полицейскому, что пыталась самостоятельно дозвониться по номеру Лео Франка и подавала сигнал целых 5 минут. По-видимому, дома действительно никого нет и потому не надо удивляться тому, что трубка не поднимается.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.